

Сегодня ты птица в клетке,
но завтра расправишь крылья и полетишь.

НАПОМИНАНИЕ О НЕМ

18+ КОЛИН
ГУВЕР

Более 3 000 000 000 просмотров в *TikTok*

Колин Гувер

Напоминание о нем

Серия «Все твои совершенства. Главные романы Колин Гувер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68539522

*Напоминание о нем:
ISBN 978-5-04-177858-3*

Аннотация

Колин Гувер – автор, которому читатели доверяют свое сердце. Она – мировой тренд, литературный феномен нашего времени, троекратная обладательница премии Goodreads Choice Award в номинации «Любовный роман». Ее произведения переведены на десятки языков. Продажи книг Колин Гувер превысили продажи Стивена Kingа и Джорджа Мартина. Более 3 000 000 000 просмотров в TikTok.

«Напоминание о нем» – это история о том, что иногда, чтобы расправить крылья, нужно найти силы простить себя.

Птица – главный символ этой книги. Кенна – запертая в клетке птичка. Она мечтает избавиться от разрушительного прошлого, чтобы снова стать свободной. Такой же свободной, как души тех, кого уже нет рядом с нами. Именно об этом думал Лэджер, когда посмотрел в небо. Они живы, пока есть то, что нам о них напоминает.

«Может, лучший способ смириться с потерей тех, кого мы любим, – это умение видеть и находить их везде, где только возможно. И если люди, которых мы потеряли, как-то могут нас слышать, нужно просто не переставать разговаривать с ними».

Отсидев пять лет в тюрьме за трагическую ошибку, Кенна возвращается в город, надеясь воссоединиться со своей четырехлетней дочерью. Ей нужны деньги и поддержка, но как бы сильно Кенна ни старалась все исправить, сожженные мосты невозможно восстановить.

Леджер, владелец местного бара, готов принять неудобную правду о Кенне. Может, он – тот самый человек, который сделает ее счастливой? Разрываемый противоречиями, Леджер делает свой выбор.

Готовы ли герои пойти за истиной, куда бы она ни привела?

И можно ли испытывать страсть к тому, кого ненавидишь?

Содержание

1	6
2	14
3	20
4	26
5	32
6	44
7	57
8	66
9	75
10	86
11	94
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Колин Гувер

Напоминание о нем

Colleen Hoover

REMINDERS OF HIM

Copyright © 2022 by Colleen Hoover

All rights reserved

Перевод с английского *Анны Бялко*

© Бялко А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2023

Посвящается Тазаре

1

Кенна

На краю дороги из земли торчит небольшой деревянный крест с написанной на нем датой смерти.

Скотти бы это не понравилось. Готова поспорить, крест ставила его мать.

– Можете остановиться на обочине?

Таксист притормаживает и останавливается. Я вылезаю из машины и подхожу к кресту. Раскачиваю из стороны в сторону, пока земля не поддается, а потом вытаскиваю.

Он что, умер вот на этом самом месте? Или еще на дороге?

Я не особо следила за деталями во время предварительного следствия. Услышав, что он прополз несколько метров от машины, я начала мычать, чтобы не слышать больше ничего из того, что говорил прокурор. А потом, чтобы избавиться от выслушивания всех подробностей, если дело перейдет в суд, я признала себя виновной.

Потому что технически я и была виновна.

Может, я и не убивала его своими действиями, но своим бездействием точно убила.

Скотти, я думала, что ты умер. Но мертвые не ползают.

Держа крест, я возвращаюсь к машине. Пристраиваю его рядом с собой на заднем сиденье и принимаюсь ждать, когда водитель вернется на дорогу, но он не двигается с места. Я смотрю на него в зеркальце, а он пялится на меня, подняв брови.

– Как по мне, красть придорожные памятники плохо для кармы. Вы уверены, что хотите забрать его?

Отвернувшись в сторону, я вру:

– Да. Это я тут его поставила. – Я все еще чувствую, как он пялится на меня, пока выруливает обратно на дорогу.

Моя новая квартира всего в пяти километрах отсюда, но в другую сторону от места, где я жила раньше. У меня нет машины, так что я решила найти жилье поближе к центру, чтобы ходить на работу пешком. Если я вообще найду работу. С моей историей и отсутствием опыта это будет нелегко. А если верить водителю, у меня, выходит, еще и карма плохая.

Может, кража памятника Скотти и испортит мне карму, но с другой стороны, ставить крест парню, который не раз говорил, как ненавидит придорожные памятники, тоже не самая благородная затея. Именно поэтому я и заставила водителя заехать сюда. Я знала, что Грейс наверняка поставит что-то на месте аварии, и считала, что должна убрать это ради Скотти.

– Карта или наличные? – спрашивает таксист.

Взглянув на счетчик, я вытаскиваю из сумки деньги и чаевые и, когда водитель останавливается, протягиваю ему.

Потом беру чемодан и только что украденный деревянный крест, выхожу из такси и направляюсь к дому.

Моя новая квартира находится не в крупном жилом комплексе. Это отдельно стоящее здание, с одной стороны от которого заброшенная парковка, а с другой – супермаркет. Окно внизу забито фанерой, все вокруг замусорено пивными банками разной степени помятости. Я откидываю ногой с дороги одну из них, чтобы она не застряла между колесами чемодана.

Жилье выглядит еще хуже, чем на картинке в интернете, но я чего-то такого и ожидала. Хозяйка даже не спросила моего имени, когда я позвонила с вопросом, есть ли свободные квартиры. Она сказала только:

– Свободные всегда есть. Приносите наличные. Я живу в первой квартире. – И повесила трубку.

Я стучусь в первую квартиру. Дверь открывается, и в проеме появляется крошечная пожилая женщина. Она кажется раздраженной. В волосах у нее бигуди, нос измазан в помаде.

– Что бы вы ни продавали, мне ничего не надо.

Я пялюсь на помаду, на то, как она забилась в складки морщин вокруг рта.

– Я звонила вам на той неделе насчет квартиры. Вы сказали, у вас есть свободные.

На ее сморщенном лице мелькает припоминание.

Оглядев меня сверху донизу, она хмыкает:

– Не ожидала, что вы такая.

Я не понимаю, что она имеет в виду. Она отходит от двери, и в это время я оглядываю свои джинсы и футболку.

Она возвращается с небольшим кошельком на молнии.

— Пять пятьдесят в месяц. Плата за первый и последний — на месте.

Отсчитав деньги, я протягиваю их ей.

— И никакого договора?

Она смеется, убирая деньги в кошелек.

— Твоя квартира — шестая. — Она указывает пальцем вверх. — Это прямо надо мной, так что давай там потише. Я рано ложусь.

— А что включено в плату?

— Вода и мусор, электричество — за твой счет. Оно включено — у тебя три дня, чтобы перевести его на свое имя. Депозит электрической компании — 250 баксов.

Черт. У меня три дня, чтобы найти 250 баксов? Я начинаю было сомневаться в своем решении вернуться сюда так быстро, но, когда закончился период моего временного содержания, у меня оставалось два варианта — потратить все деньги, стараясь выжить в том городе, или проехать шестьсот километров и потратить их в этом.

И я предпочла оказаться в городе, где жили все люди, связанные со Скотти.

Женщина отступает в свою квартиру.

— Добро пожаловать в «Райские апартаменты». Когда устроишься, принесу тебе котенка.

Я быстро упираюсь в дверь рукой, чтобы она не закрыла ее.

– Погодите. Что? Котенка?

– Ну да, *котенка*. Это как кошка, только меньше.

Я отступаю на шаг, как будто это может спасти меня от того, что она говорит.

– Нет, спасибо. Я не хочу котенка.

– У меня лишние.

– Я не хочу котенка, – повторяю я.

– Кто может не хотеть котенка?

– Я.

Она фыркает, как будто услышала нечто совершенно нелепое.

– Сделаем так, – говорит она. – Я оставлю на себе электричество еще на две недели, если возьмешь котенка. – *Что за чертовщина тут происходит?* – Так и быть, – говорит она, восприняв мое молчание как своего рода тактику в переговорах. – *Месяц*. Ты берешь котенка, а я оставляю на себе электричество на целый месяц. – Она удаляется в квартиру, но оставляет дверь открытой.

Я вообще не хочу котенка, но возможность сэкономить 250 долларов на плате за электричество в этом месяце стоит даже нескольких котят.

Она появляется снова с мелким черно-рыжим котенком в руках. И сует его мне.

– Вот он. Если что надо, меня зовут Рут, но лучше, чтобы

тебе ничего не понадобилось. — И снова пытается закрыть дверь.

— Погодите. Подскажите, а где можно найти телефон-автомат?

Она хмыкает:

— Ну, где-то в 2005 году. — И захлопывает дверь.

Котенок мяукает, что звучит совсем не мило, а скорее напоминает крик о помощи.

— Полностью поддерживаю, — бормочу я.

Я бреду к лестнице со своим чемоданом и своим... котенком. Может, надо было все же подождать несколько месяцев, прежде чем возвращаться сюда. Я сумела скопить чуть больше двух тысяч, но большая часть ушла на переезд. Что, если я не смогу сразу найти работу?

А теперь мне еще навязали ответственность за котенка.

Моя жизнь стала вдесятеро труднее, чем вчера.

Я поднимаюсь в квартиру. Котенок цепляется за мою футболку. Вставив ключ в замок, я с трудом проворачиваю его и налегаю на дверь, чтобы она открылась. Когда дверь в мою новую квартиру распахивается, я задерживаю дыхание, боясь, чем оттуда пахнёт.

Повернув выключатель, я оглядываюсь, медленно выдыхая. Никаких особых запахов не чувствуется. Это и хорошо, и плохо.

В гостиной стоит диван и больше практически ничего нет. Небольшая гостиная, кухонька еще меньше, никакой столо-

вой. Никакой спальни. Квартира без излишеств, со шкафом и крошечной ванной комнатой, где унитаз касается самой ванны.

Настоящая дыра. Пятидесятиметровая дыра, но для меня и она – шаг вперед. Я прошла от житья с соседкой в десятиметровой камере ко временному содержанию с шестью соседками, а теперь у меня своя собственная пятидесятиметровая квартира.

Мне двадцать шесть лет, и я впервые официально живу где-то совсем одна. Это освобождает и пугает одновременно.

Не знаю, смогу ли я через месяц все еще позволить себе такое жилье, но я буду стараться. Даже если для этого придется искать работу в каждом месте, мимо которого я буду проходить.

Собственная квартира может помочь мне, когда я буду ходатайствовать перед Ландри. Это покажет, что я теперь независима. Даже если за эту независимость мне предстоит бороться.

Котенок хочет на пол, и я отпускаю его в гостиную. Он бредет по квартире, плача о том, что оставил там, внизу. Мне становится до боли жалко его, когда я смотрю, как он тычется по углам в поисках выхода. Ищет, как попасть домой. К матери и братьям с сестрами.

Со своей черно-оранжевой пятнистой шкуркой он похож на шмеля или на что-то, оставшееся после Хеллоуина.

– Как же нам тебя назвать?

Я знаю, что, скорее всего, ему придется провести без имени несколько дней, пока я буду размышлять. Я очень серьезно подхожу к выбору имен. Когда я в последний раз должна была кого-то назвать, я подошла к этому серьезнее, чем ко всему на свете до того. Может, потому, что всю свою беременность я просидела в камере, где было больше нечего делать, кроме как выбирать имя для ребенка.

Я выбрала имя Диэм, потому что знала – как только меня выпустят, я вернусь и сделаю все, что в моих силах, чтобы найти ее.

И вот я здесь.

Carpe Diem.

2

Леджер

Я паркую свой грузовик на стоянке позади бара и только сейчас замечая яркий лак на ногтях своей правой руки. *Вот черт.* Я и забыл, что вчера вечером играл в переодевания с четырехлетней.

Ну, по крайней мере, бордовый цвет подходит к моей рабочей рубашке.

Когда я вылезаю из кабины, Роман как раз выкидывает в помойку мешки с мусором. Увидев у меня в руках подарочный пакет, он понимает, что это для него, и протягивает руку.

– Дай угадаю. Это кофейная кружка? – Он заглядывает внутрь.

Это кружка. Как всегда.

Он не благодарит. Как всегда.

Мы никогда не обсуждаем, что эти кружки символизируют трезвость, но я каждую пятницу покупаю ему еще одну. И это уже девяносто шестая кружка.

Наверное, мне пора бы перестать, потому что у него этих кружек уже полным-полно, но мне уже поздно сдаваться. Он не пьет уже без малого сто недель, и я уже некоторое время присматриваюсь к сотой, знаменательной кружке. Это будет

кружка с «Денвер Бронко». Его самой нелюбимой командой.

Роман указывает на заднюю дверь бара.

– Там пара человек донимает остальных клиентов. Пригляди за ними.

Это странно. Обычно в такое раннее время не приходится иметь дело с беспорядками. Еще и шести-то нет.

– Где они сидят?

– Возле музыкального автомата. – Он смотрит на мою руку. – Отличный маникюр, дружище.

– Скажи? – Я вытягиваю ладонь и шевелю пальцами. – Для четырехлетки у нее неплохо получилось.

Я открываю заднюю дверь, и на меня обрушиваются звуки моей любимой песни, которую орут из динамиков Ugly Kid Joe.

Да не может быть.

Я прохожу в бар через кухню и тут же вижу их, склонившихся над автоматом. Я тихо подхожу сзади и смотрю, как она снова и снова нажимает те же четыре цифры. Они хихикают, как непослушные дети, а я гляжу поверх их голов на экран. «Кошка в колыбели» стоит в очереди на проигрывание тридцать шесть раз подряд.

Я откашливаюсь.

– Думаете, это смешно? Заставлять меня слушать одну и ту же песню шесть часов кряду?

Услышав мой голос, отец поворачивается ко мне.

– Леджер! – Он притягивает меня, чтобы обнять. От него

пахнет пивом и машинным маслом. И, кажется, лаймом?
Они что, напились?

Моя мать отступает от автомата.

– Мы не нарочно. Мы пытались его починить.

– Ну конечно. – Я обнимаю ее.

Они никогда не предупреждают, что собираются приехать. Просто появляются, остаются на день, два или три и снова уезжают на своем трейлере.

Но то, что они пьяные, – это что-то новое. Обернувшись через плечо, я вижу Романа за стойкой бара и указываю на родителей.

– Это твоих рук дело или они уже такими пришли?

Он пожимает плечами.

– И так, и этак.

– У нас годовщина, – говорит мать. – Мы празднуем.

– Я только надеюсь, вы не за рулем.

– Нет, – говорит отец. – Наша машина в мастерской на техобслуживании, так что нас подвезли. – И хлопает меня по щеке. – Мы хотели повидать тебя, но тебя не было больше двух часов, и мы уже уходим, потому что проголодались.

– Именно поэтому стоит предупреждать меня до того, как приедете. У меня своя жизнь.

– А ты вспомнил про нашу годовщину? – спрашивает отец.

– Вылетело из головы. Прости.

– Я тебе говорил, – говорит он матери. – Давай, Робин,

плати.

Мать лезет в карман и вручает ему десятку.

Они держат пари на все. На мою личную жизнь. Какие да-
ты я помню. На каждую футбольную игру с моим участием.
Но я почти уверен, что все эти годы они просто передают
друг другу все ту же самую десятку.

Отец поднимает пустой стакан и размахивает им.

– Бармен, налей нам еще.

Я забираю у него стакан.

– Как насчет воды со льдом? – Оставив их у автомата, я
иду за стойку.

Я наливаю в стаканы воды, когда в бар входит девушка с
каким-то потерянным видом. Она оглядывает зал так, слов-
но никогда не бывала тут, и, заметив пустой угол в дальнем
конце стойки, сразу же направляется туда.

Я смотрю на нее все время, пока она идет через бар. Смот-
рю так внимательно, что вода переливается через край ста-
кана и оказывается повсюду. Схватив полотенце, я прини-
маюсь вытирать ее. Когда я оглядываюсь на свою мать, она
смотрит на девушку. Потом переводит взгляд на меня. По-
том опять на нее.

Черт. Последнее, что мне нужно, – чтобы она начала сво-
дить меня с клиенткой. Она и трезвой-то всегда пытается
меня сватать, так что страшно представить, что она может
устроить выпившей. Надо выдворять их отсюда.

Я приношу им воды и протягиваю матери свою кредитку.

– Пойдите в «Стейкхауз Джейка» и пообедайте за мой счет. Идите пешком, как раз по дороге протрезвеете.

– Какой ты милый. – Она драматически прижимает руки к груди и глядит на отца. – Бенджи, какой мальчик у нас вырос. Пошли, отпразднуем это с его кредиткой.

– У нас отлично получилось, – соглашается отец. – Надо было завести побольше детей.

– Да, все климакс, милый. Помнишь, как я целый год на тебя бросалась? – Мать подхватывает свою сумку, и они забирают стаканы воды с собой.

– Раз уж он платит, закажем антрекоты, – бормочет отец. Облегченно выдохнув, я возвращаюсь за стойку. Девушка тихо сидит в уголке и что-то пишет в блокноте. Романа за стойкой нет, и я решаю, что никто не взял у нее заказ.

Я с радостью это исправлю.

– Что вам принести? – спрашиваю я.

– Воды и колы без сахара, пожалуйста. – Она не поднимает на меня глаз, и я иду выполнять заказ. Когда я возвращаюсь с напитками, она все еще строчит в своем блокноте. Я пытаюсь взглянуть, что она там пишет, но она закрывает блокнот и поднимает взгляд. – Спасибо... – Она делает паузу посреди слова, которое, как я полагаю, было попыткой сказать *Спасибо*. Пробормотав *бо*, она сует в рот соломинку.

Она кажется взволнованной.

Мне хочется поговорить с ней, спросить, как ее зовут и откуда она, но за годы владения этим баром я усвоил, что

вопросы, заданные одиноким людям, часто приводят к разговорам, от которых потом не отделаешься.

Хотя большинство тех, кто приходил сюда, не привлекали моего внимания настолько, как эта девушка.

Указав на ее два стакана, я спрашиваю:

– Вы кого-то ждете?

Она пододвигает оба стакана к себе.

– Нет. Просто хочу пить. – Отведя взгляд, она откидывается на спинку кресла, снова берет блокнот и погружается в него.

Я понимаю намеки. Я удаляюсь в дальний конец бара, чтобы оставить ее в покое.

Роман возвращается из кухни и мотает в ее сторону головой.

– Кто это?

– Не знаю, но у нее нет обручального кольца, так что она не в твоём вкусе.

– Очень смешно.

3

Кенна

Скотти, милый.

Представляешь, они открыли бар в старом книжном. Вот такая фигня...

Интересно, что они сделали с тем диваном, на котором мы сидели по воскресеньям?

Клянусь, все это похоже на то, как если бы весь город был большой доской для игры в «Монополию», а после твоей смерти кто-то взял доску и смешал все карточки.

Все стало другим. Все кажется незнакомым. Последние пару часов я бродила по центру и жадно разглядывала все вокруг. Я шла в продуктовый, а потом отвлеклась, увидев скамейку, на которой мы ели мороженое. Я села и какое-то время наблюдала за прохожими.

В этом городе все кажутся такими беззаботными. Люди просто идут по улице, как будто в их мире все правильно, как будто они не могут в любой момент упасть с тротуара и оказаться на небесах. Они просто переходят из одного момента в другой и знать не знают о матерях, которые бродят вокруг, потерявшие своих дочерей.

Наверное, мне не стоило идти в бар, особенно в первый же вечер по возвращении. Не то чтобы у меня проблемы с

алкоголем, та ужасная ночь была исключением. Но последнее, чего я хочу, так это чтобы твои родители узнали, что я зашла в бар раньше, чем зашла к ним.

Но я-то думала, что там все еще книжный, а в книжных обычно продают кофе. И я так расстроилась, что зашла внутрь, потому что день был долгий, я ехала сюда на автобусе, а потом на такси. И рассчитывала на большее количество кофеина, чем то, что есть в диетической коле.

Может, в этом баре и кофе есть. Я пока не спрашивала.

Может, мне не стоит тебе говорить, но я обещаю, что к концу письма станет понятно, зачем я это делаю – я однажды поцеловала охранника в тюрьме.

Нас застучали, и его перевели в другое место, и я переживала, что из-за нашего поцелуя у него возникли неприятности. Но он разговаривал со мной как с человеком, а не с номером, и, хотя он мне даже не нравился, я знала, что нравилась ему, так что, когда он поцеловал меня, я ответила. Таким способом я поблагодарила его. И, думаю, он это понял, и его это устраивало. Прошло уже два года с тех пор, как ты касался меня, так что, когда он прижал меня к стене и обхватил за талию, я думала, что почувствую что-то большее.

И я грустила из-за того, что не почувствовала.

Я говорю тебе все это потому, что он был на вкус, как кофе, но кофе лучше, чем тот, что давали в тюрьме заключенным. Это был дорогой кофе за восемь долларов из «Старбакса», с карамелью, взбитыми сливками и вишней. Вот почему

я целовалась с ним. Не потому, что мне нравился поцелуй, или он сам, или его руки на моей талии, но потому, что я так соскучилась по дорогому ароматному кофе.

И по тебе. Я скучаю по дорогому кофе и по тебе.

С любовью, Кенна.

* * *

– Вам долить? – спрашивает бармен. Его руки покрывают татуировки, уходящие вверх под рукава рубашки. А рубашка на нем темно-бордовая, такой цвет нечасто увидишь в тюрьме.

Я как-то не задумывалась об этом, когда была там, но тюрьма такая бесцветная и монотонная, что какое-то время спустя ты начинаешь забывать, как могут выглядеть деревья осенью.

– А у вас есть кофе? – спрашиваю я.

– Конечно. Сливки и сахар?

– А карамель у вас есть? И взбитые сливки?

Он закидывает полотенце на плечо.

– Ну да. Соевые, обезжиренные, миндальные или цельные?

– Цельные.

Бармен смеется.

– Я пошутил. Это же бар – у меня есть кувшин кофе, заваренного четыре часа назад, и вы можете выбрать – пить

его со сливками, с сахаром, и с тем, и с другим или вообще без ничего.

Цвет его рубашки и то, как она идет к цвету его кожи, сразу теряют привлекательность. *Придиурок.*

– Просто принесите хоть что-нибудь, – буркаю я.

Бармен уходит, чтобы принести мне обычный тюремный кофе. Я вижу, как он поднимает кофейник и подносит к носу, чтобы понюхать. Морщится и выливает все в раковину. Наполняет его водой, одновременно подливая кому-то пива, и принимается варить новый кофе, одновременно рассчитываясь с кем-то, еще и улыбаясь – достаточно в меру, но не слишком.

Я никогда не видела, чтобы кто-то двигался так плавно и ловко, как будто у него семь рук и три мозга и все работают одновременно. Когда смотришь на то, как кто-то хорошо делает свое дело, тебя буквально завораживает.

А я не знаю, что я делаю хорошо. Не знаю, есть ли в этом мире хоть что-нибудь, что я могла бы делать так, словно это не требует усилий.

Есть вещи, которые я *хотела бы* делать хорошо. Я хотела быть хорошей матерью. Всем своим будущим детям, но особенно дочке, той, что я уже принесла в этот мир. Я бы хотела сад, чтобы сажать в нем всякое. То, что росло бы и не умирало. Я хотела бы научиться говорить с людьми так, чтобы не жалеть тут же о каждом сказанном слове. Хотела бы что-то чувствовать, когда парень обнимает меня за талию.

Хотела бы жить хорошо. Хотела бы, чтобы это получалось у меня легко и без усилий, но до сих пор мне удалось только усложнить свою жизнь настолько, что с ней с трудом выходило управляться.

Закончив приготовление, бармен подходит ко мне. Пока он наливает кофе в кружку, я смотрю на него, наконец по-настоящему оценивая, что же вижу. Он красив в том смысле, что девушка, которая пытается вернуть себе опеку над своей дочерью, должна держаться от такого подальше. Его глаза явно кое-что повидали, а руки наверняка кое-кому да врезали.

Волосы у него такие же текущие, как и движения. Длинные темные пряди, спадающие на глаза идвигающиеся вместе с ним. Он не коснулся своих волос ни разу за все время, что я тут сидела. Он позволял им делать, что хотят, и только иногда слегка встряхивал головой – такое мимолетное движение, – и волосы ложились так, как он хотел. Такие густые ладные пряди, волосы-в-которые-хочется-запустить-руки.

Моя кружка уже наполнена, но он поднимает палец и говорит: «Секунду». Разворачивается, открывает маленький холодильник, вынимает пакет цельного молока и наливает немного мне в кофе. Ставит пакет обратно, открывает другой холодильник – *сюприз*, взбитые сливки. Тянет руку куда-то назад и достает вишенку, которую осторожно водружает поверх моего напитка. Двигает кружку поближе ко мне и делает руками пассы, словно колдуя.

– Карамели нет, – говорит он. – Это лучшее, что я могу соорудить, учитывая, что у нас тут не кофешоп.

Наверное, он думал, что просто готовит навороченный напиток для избалованной девицы, привыкшей каждый день пить кофе за восемь долларов. Он даже не представляет, как давно я не пила приличного кофе. Даже в те месяцы, что я провела на временном содержании, нам давали тюремный кофе для тюремных девиц с тюремным прошлым.

Я готова расплакаться.

Я поддаюсь этому желанию.

Как только он отходит в другой конец бара, я делаю глоток своего кофе, закрываю глаза и плачу, потому что жизнь может быть очень жестокой и несправедливой, и я уже много раз хотела покончить с ней, но вот такие моменты напоминают мне, что счастье – не какая-то постоянная штука, которой мы все хотим добиться, а нечто мимолетное, что появляется то здесь, то там, иногда крошечными дозами, и даже этого бывает вполне достаточно, чтобы продолжать бороться.

4

Леджер

Я знаю, что делать, когда плачет ребенок, но что делать с плачущей взрослой женщиной, не в курсе. Так что я стараюсь держаться как можно дальше от нее, пока она пьет свой кофе.

С тех пор как она вошла сюда час назад, я узнал про нее немного, но одну вещь понял наверняка – она пришла не для того, чтобы с кем-то встретиться. Она пришла ради одиночества. За этот час к ней попытались подойти три человека, и она спровадила их, даже не поднимая на них взгляда.

Она молча допивает кофе. Только семь вечера, так что она вполне может перейти к крепким напиткам. Но я почему-то надеюсь, что она не станет. Я заинтригован, почему она пришла в бар и заказала то, что мы редко тут подаем, а потом отказала мужчинам, даже не взглянув на них.

Мы с Романом работаем тут вдвоем, пока не придут Мэри Энн и Рейзи. Бар понемногу наполняется, и я не могу уделять ей столько внимания, сколько хотел бы, то есть *все*. И я стараюсь быть везде и повсюду настолько, чтобы ей не показалось, что я постоянно кручусь рядом с ней.

Едва она допивает кофе, мне хочется спросить, что еще ей принести, но я заставляю ее просидеть над пустой чашкой

добрых минут десять. А может, и все пятнадцать, до того как снова подхожу к ней.

Занимаясь своими делами, я исподтишка посматриваю на нее. Ее лицо кажется настоящим произведением искусства. Мне бы хотелось, чтобы ее портрет висел на стене где-нибудь в музее и я мог бы стоять и смотреть на него столько, сколько хочу. Но вместо этого я украдкой поглядываю в ее сторону, восхищаясь тем, насколько те же самые черты, что составляют все лица в мире, на ее лице выглядят гораздо лучше.

Люди редко приходят в бар в начале выходных так небрежно одетыми, но она совершенно не принарядилась. На ней выцветшая футболка и джинсы, но зеленый цвет настолько безупречно подчеркивает зелень ее глаз, словно она долго подыскивала футболку подходящего оттенка, хотя я совершенно уверен, что она вообще об этом не думала. Ее волосы темно-рыжие. Ровного, яркого цвета. Одной длины, точно до подбородка. Она то и дело запускает в них руку, и всякий раз, как это происходит, кажется, что она сейчас сложится пополам. И от этого мне хочется выйти из-за стойки, поднять ее со стула и обнять.

Что с ней?

Я не хочу знать.

Мне не нужно знать.

Я не встречаюсь с девушками, которые приходят в мой бар. Я дважды нарушал это правило, и дважды от этого получался один только геморрой.

Кроме того, есть в этой девушке нечто пугающее. Я не могу определить, что именно, но, когда я разговаривал с ней, слова застревали у меня в глотке. И не потому, что она так уж потрясла меня, нет, я ощущал нечто неуловимое, как будто мой мозг предупреждал меня не связываться с ней.

Красный флаг! Опасность! Отставить!

Но почему?

Когда я протягиваю руку за ее кружкой, мы встречаемся взглядами. Она сегодня больше ни на кого не посмотрела. Только на меня. Я должен бы быть польщен, но меня это пугает.

Я профессионально играю в футбол и владею баром, но меня испугал взгляд хорошенькой девушки. Это достойно описания в «Тиндере». *Играет за «Бронко».*

Владеет баром. Боится зрительных контактов.

– Что-нибудь еще? – спрашиваю я.

– Вина. Белого.

Не так легко владеть баром и оставаться трезвым. Я бы хотел, чтобы все были трезвыми, но мне нужны клиенты. Я наливаю бокал вина и ставлю перед ней.

Я остаюсь неподалеку, притворяясь, что вытираю стаканы, но они сухие, причем со вчерашнего дня. Я замечаю, как она медленно сглатывает, глядя на бокал, как будто ощущает неуверенность. Этого краткого мига колебания или сожаления хватает, чтобы я подумал, что у нее, наверное, проблемы с алкоголем. Я всегда могу сказать, что люди борются за

трезвость, по тому, как они смотрят на свой стакан.

Алкоголикам трудно пить.

Но она не притрагивается к вину. Она понемногу пьет колу, пока та не заканчивается. Я протягиваю руку за пустым стаканом одновременно с ней.

Когда наши пальцы соприкасаются, я чувствую, будто у меня в груди застряло еще что-то, помимо слов. То ли несколько ударов сердца. То ли начинающееся извержение вулкана.

Она отдергивает свои пальцы от моих и опускает руки на колени. Я забираю у нее пустой стакан из-под колы и полный бокал вина, а она даже не поднимает взгляда, не спрашивает зачем. Только вздыхает, словно испытывает облегчение, что я убрал вино. Зачем тогда она его заказала?

Я снова наливаю ей колы и, пока она не смотрит, выливаю вино в раковину и споласкиваю бокал.

Она отпивает колы, но больше не поднимает на меня взгляда. Может, я огорчил ее.

Роман замечает, как я смотрю на нее, опирается локтем о стойку и спрашивает:

– Развод или смерть?

Роман любит угадывать, почему люди приходят в одиночестве и выглядят так, словно они не на своем месте. Но непохоже, что эта девушка пришла сюда из-за развода. Обычно женщины отмечают его, приходя в бар с толпой подруг, обмотанных лентами с надписью: «Бывшая жена».

Девушка выглядит печальной, но не настолько, чтобы это можно было назвать скорбью.

– Думаю, все же развод, – говорит Роман.

Я не отвечаю. Мне кажется неправильным угадывать причину ее печали, я надеюсь, что это не развод, не смерть и даже не неудачный день. Мне хочется ей только хорошего, потому что, кажется, ничего хорошего у нее давным-давно не бывало.

Занявшись другими посетителями, я перестаю смотреть на нее. Я делаю это, чтобы не мешать ей, но она пользуется этой возможностью, чтобы оставить на стойке деньги и ускользнуть.

Я несколько секунд смотрю на пустой барный стул и десятку чаевых. Она ушла, а я не знаю ее имени, ее истории, не знаю, увижу ли ее снова, и вот он я – бросаюсь через весь бар, насквозь, в главный выход, через который она только что вышла.

Когда я выбегаю на улицу, небо полыхает. Я прикрываю глаза ладонью, забыв, каким ярким бывает свет, если выйти из бара до наступления темноты.

Когда я замечаю ее, она оборачивается. Она стоит метрах в пяти от меня. Она не заслоняет глаз, потому что солнце светит за ее спиной, освещая ее голову, точно нимбом.

– Я оставила деньги на стойке, – говорит она.

– Знаю.

Мы молча смотрим друг на друга. Я не знаю, что сказать.

Просто стою, как дурак.

– Тогда что?

– Ничего, – говорю я. Но тут же жалею, что не сказал: *Все.*

Она смотрит на меня. Я никогда так не делаю, *я не должен так делать*, но я знаю, что если дам ей уйти, то не смогу перестать думать о печальной девушке, оставившей мне десятку, хотя мне казалось, что она вообще не может позволить себе чаевые.

– Вы должны вернуться сюда в одиннадцать.

Я не даю ей шанса отказать мне, объяснить, почему она не сможет этого сделать. Я возвращаюсь в бар, надеясь, что мое требование заинтересует ее достаточно для того, чтобы она вернулась вечером.

Кенна

Я сижу на надувном матрасе, держа своего безымянного котенка и прокручивая в голове все те причины, по которым не должна возвращаться в тот бар.

Я вернулась в этот город не для того, чтобы встречаться с парнями. Даже такими красивыми, как этот бармен. Я тут ради своей дочери – и все.

Завтра важный день. Завтра мне нужно быть сильной, как Геркулес, но этот бармен, убрав мое вино, невольно заставил меня ощутить слабость. Уж не знаю, что такое он разглядел в моем лице, что заставило его забрать мой бокал. Я не собиралась пить вино. Я заказала его, только чтобы посмотреть на него и ощутить аромат, а потом уйти, чувствуя себя сильнее, чем в ту минуту, когда я пришла.

А теперь я нервничаю, потому что он заметил, как я смотрела на вино, и по тому, как он забрал бокал, было понятно – он решил, что у меня проблемы с алкоголем.

Но нет. Я много лет не притрагивалась к спиртному, потому что всего за один вечер выпивка, смешанная с трагедией, разрушила последние пять лет моей жизни, и эти годы привели меня обратно в этот город. А здесь мне не по себе, и успокоить себя я могу единственным способом – постарать-

ся вести себя так, чтобы чувствовать, что все еще контролирую свою жизнь и свои поступки.

Вот почему я не собиралась пить это вино, черт побери.

Теперь я буду плохо спать ночью. Как я могу считать, что контролирую происходящее, если он заставил меня почувствовать себя ровно наоборот? Если я хочу хорошо выспаться, мне нужно снова отказаться от чего-то, чего мне хочется.

Или кого-то.

Я очень-очень давно никого не хотела. С тех пор, как встретила Скотти. Но бармен был довольно горяч, и у него отличная улыбка, и он сварил прекрасный кофе, и он уже пригласил меня вернуться, так что будет очень даже просто прийти – и отказать ему.

И тогда я хорошо высплусь и буду готова утром встать и встретить самый важный день в своей жизни.

Я жалею, что не могу взять с собой котенка. Поддержка мне не помешала бы, но котик спит на новой подушке, которую я купила ему в магазине.

Купила я не так много всего. Надувной матрас, пару подушек и простыней, сыр и крекеры, корм и наполнитель для котенка. Я решила, что пока мой горизонт планирования в этом городе – два дня. Пока я не буду знать, что принесет завтра, нет смысла тратить деньги, которые я зарабатывала и копила целых полгода. У меня и так уже осталось немного, и поэтому я решаю не вызывать такси.

Я выхожу из квартиры, чтобы пойти в бар пешком, но на

сей раз не беру с собой ни сумку, ни блокнот. Мне понадобятся только права и ключ от квартиры. От нее до бара километра три, но дорога хорошо освещена, а погода хорошая.

Я немного беспокоюсь, что кто-нибудь сможет узнать меня в баре или даже по дороге туда, но я выгляжу совершенно не так, как пять лет назад. Раньше я сильнее беспокоилась о своей внешности, но пять лет тюрьмы научили меня не переживать из-за краски для волос, накладных ресниц и искусственных ногтей.

Я не прожила в этом городе достаточно времени, чтобы подружиться с кем-нибудь, кроме Скотти, так что навряд ли меня могут тут узнать много людей. Конечно, они знают, *кто* я, но, когда по тебе никто не скучал, трудно ожидать, чтобы тебя узнавали на улице.

Конечно, Патрик и Грейс могли бы узнать меня, если бы увидели, но я встречалась с ними только один раз до того, как попасть в тюрьму.

Тюрьма. Я никогда не привыкну к этому слову. Его так трудно произносить вслух. Когда пишешь буквы одну за другой на бумаге, они не выглядят так ужасно. Но когда произносишь вслух «тюрьма», это звучит чертовски сурово.

Когда я думаю о том, где провела последние пять лет, про себя я предпочитаю произносить – *заведение*. А когда я думаю об этом времени, то выражаюсь – *Когда меня тут не было* – как-то так. Я никогда не привыкну говорить: «*Когда я была в тюрьме*».

Но на этой неделе, когда я стану искать работу, мне придется произнести эти слова. Меня спросят: «Вас когда-нибудь осуждали за преступления?» И мне придется ответить: «Да, я провела пять лет в тюрьме за непредумышленное убийство».

И меня либо наймут на работу, либо нет. Скорее всего, нет.

Для женщин даже там, за решеткой, существуют двойные стандарты. Когда женщина говорит, что сидела в тюрьме, люди сразу думают: *дрянь, шлюха, наркоманка, воровка*. А когда мужчина говорит, что был в тюрьме, к этим отрицательным качествам сразу добавляются какие-то символы крутизны – типа *дрянь, но крутой, наркоман, но классный, вор, но впечатляющий*.

Да, на мужчинах тоже остается стигма, но женщине никогда не удастся обрести *и* стигму, *и* символ крутизны.

Судя по часам на здании ратуши, я возвращаюсь в центр города в одиннадцать тридцать. Надеюсь, он еще на месте, хоть я и опоздала на полчаса.

Днем я не обратила внимания на название бара, возможно, потому что было светло, и я удивилась, что это больше не книжный. Но там, над дверью, висит небольшая неоновая вывеска «У Уарда».

Я медлю, прежде чем зайти. Мое возвращение так или иначе подаст этому парню сигнал. А я вовсе не уверена, что хочу его подавать. Но альтернатива-то одна: возвращаться

обратно в квартиру и оставаться наедине со своими мыслями.

А я за последние пять лет провела с ними наедине достаточно времени. Я тосковала по людям, и шуму, и всему тому, чего у меня не было, и моя квартира немного напоминает мне тюрьму. Там тоже тихо и одиноко.

Я открываю дверь бара. Внутри громче, темнее и накурено больше, чем раньше. Пустых мест не оказывается, так что я проталкиваюсь сквозь толпу, нахожу туалет, жду в коридоре, жду снаружи, еще немного толкаюсь. Наконец, один из столиков освобождается. Я пересекаю зал и сажусь за него одна.

Я смотрю, как бармен скользит за стойкой. Мне нравится, каким он кажется беззаботным. Двое парней затевают драку, но он нисколько не беспокоится – просто указывает им на дверь, и те выходят. Он часто так делает. Просто указывает на что-то, и люди делают то, что он им указывал.

Глядя на другого бармена, он указывает на двух посетителей. Бармен подходит и рассчитывается с ними.

Он указывает на пустую полку, одна из официанток кивает, и через несколько минут полка заполнена.

Он указывает на пол, и второй бармен исчезает за дверью, появляется со шваброй и вытирает пролитое.

Он указывает на крючок на стене, и другая официантка, беременная, беззвучно проговаривает «спасибо», вешает туда фартук и уходит домой.

Он указывает, и люди делают, и вот наконец приходит время закрытия. Люди принимаются уходить. Никто больше не заходит.

Он не взглянул на меня. Ни разу.

Я начинаю сомневаться, стоило ли приходить. Он кажется занятым, и, может быть, я его не так поняла. Я просто решила, что, когда он сказал мне вернуться, он что-то имел в виду, но, может быть, он говорит так всем посетителям.

Я поднимаюсь, думая, что мне, вероятно, тоже стоит уйти, но он, уловив мое движение, указывает мне. Простой взмах пальца, показывающий, чтобы я села, — и я сажусь.

Я радуюсь, что интуиция меня не подвела, но чем меньше народу остается в баре, тем больше я нервничаю. Он считает, что я взрослая женщина, но я не чувствую себя взрослой. Я — двадцатishестилетний подросток, неопытный, начинающий все сначала.

Я не уверена, что поступила правильно, вернувшись сюда. Думала, просто приду, пофлиртую с ним и потом уйду, но он больший соблазн, чем самый навороченный кофе. Я пришла, чтобы отказать ему, но представления не имела, что он будет указывать тут весь вечер и что он будет указывать мне. *Я не знала, что это так сексуально.*

Интересно, пять лет назад я бы тоже так подумала или теперь любой мужчина может настолько легко мне понравиться?

К полуночи остаемся лишь мы вдвоем. Все остальные

ушли, дверь заперта, он несет на кухню поднос с пустыми стаканами.

Я подтягиваю к себе коленки и обхватываю их руками. Я нервничаю. Я приехала в этот город не затем, чтобы с кем-то познакомиться. У меня гораздо более важная цель. А он, похоже, может сбить меня с пути, только лишь указав пальцем.

Но я же всего лишь человек. Людям нужна компания, и, хоть я и вернулась в этот город не ради знакомств с новыми людьми, на этого парня трудно не обратить внимания.

Он выходит из-за двери уже по-другому одетый. На нем больше не бордовая рубаша с воротником и закатанными рукавами, как на других работниках. Он переоделся в белую футболку. Так просто – и так сложно.

Он улыбается, подойдя ко мне, и я чувствую, как от этой улыбки мне становится тепло, словно меня укрыли тяжелым одеялом.

– Ты вернулась.

Я стараюсь казаться невозмутимой.

– Ну, ты же просил.

– Хочешь чего-нибудь выпить?

– Нет, спасибо.

Он проводит рукой по волосам, откидывая их назад и глядя на меня. Он выглядит довольно воинственно, подходит ко мне и садится рядом. *Совсем* рядом. Мое сердце заходится частым стуком, оно бьется даже чаще, чем когда Скотти много лет назад подошел к моей кассе в четвертый раз под-

ряд.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

Я не хочу, чтобы он знал мое имя. С виду ему столько же лет, сколько могло бы исполниться Скотти, будь он жив. Это означает, что он может узнать мое имя или меня или помнить, что тогда случилось. Я не хочу, чтобы меня кто-то узнал, или вспомнил, или предупредил Ландри, что я приехала сюда.

Это не маленький, но и не такой уж огромный город. Мое присутствие недолго останется незамеченным. Но мне нужно пробыть незамеченной *достаточно* долго, так что я немного вру и называюсь ему своим средним именем.

– Николь.

Я не спрашиваю, как зовут его, потому что мне все равно. Мне это знание не понадобится. Я никогда больше сюда не вернусь.

Нервничая от такой близости к кому-то другому, я принимаюсь теревить прядь своих волос. Мне кажется, я совсем забыла, что надо делать, и у меня вырывается то, что я пришла сказать:

– Я не собиралась его пить.

Он наклоняет голову, не понимая, о чем я, и я объясняю:

– Вино. Иногда я... – я мотаю головой. – Это глупо, но я так делаю, специально заказываю спиртное, чтобы не пить его. У меня нет проблемы с алкоголем. Наверное, это больше про контроль. Так я чувствую себя менее слабой.

Он скользит взглядом по моему лицу и слегка улыбается.

— Это я уважаю, — говорит он. — Я и сам редко пью по схожим причинам. Я каждый вечер среди пьющих людей, и чем больше я нахожусь с ними, тем меньше мне этого хочется.

— Бармен, который не пьет? Это редкость, верно? Я думала, бармены склонны к алкоголизму больше других. Легкий доступ.

— Это на самом деле строители. Что тоже не добавляет мне очков. Я уже несколько лет строю дом.

— Да, ты, похоже, саботируешь сам себя.

Он улыбается.

— Похоже на то. — Он глубже откидывается на спинку скамьи. — А чем ты занимаешься, Николь?

В этот момент я и должна уйти. Прежде чем он спросит еще о чем-то, до того, как я скажу что-то лишнее. Но мне нравится его голос и он сам, и мне кажется, что здесь я отвлекаюсь, а мне так нужно отвлечься. Я просто не хочу разговаривать. Разговоры в этом городе не доведут меня до добра.

— Ты действительно хочешь знать, чем я занимаюсь? — Я уверена, что он предпочел бы просто запустить руку мне под юбку, чем слушать, что там девушка может ответить на подобный вопрос. И поскольку я не хочу признаваться в том, что не работаю, потому что пять лет просидела в тюрьме, то скольжу ему на колени.

Он удивляется, как будто и в самом деле собирался сидеть тут и болтать со мной целый час подряд.

Потом выражение его лица сменяется с легкого шока на принятие. Его руки ложатся мне на бедра, и он сжимает их. По всему моему телу пробегает дрожь.

Он притягивает меня поближе, я ощущаю его сквозь джинсы и вдруг сомневаюсь, что смогу уйти, как считала всего пять минут назад. Я думала, что смогу поцеловать его, а потом пожелать ему доброй ночи и гордо отправиться домой. Я просто хотела почувствовать себя немного сильнее перед завтрашним днем, но теперь, когда он проводит пальцами по коже у меня на талии, это делает меня все слабее и слабее и, черт, совершенно *бездумной*. Не бездумной, словно мне плевать, а бездумной, как будто у меня в голове пустота, а в груди растет ощущение, словно во мне разгорается огненный шар.

Его правая рука скользит по моей спине, и я ахаю, потому что чувствую, как от его прикосновения по телу разливается ток. Теперь он прикасается к моему лицу, водит пальцем по скулам, легонько трогает губы кончиками пальцев. И смотрит на меня, как будто пытается сообразить, откуда он меня знает.

А может, это все моя паранойя.

– Кто же ты? – шепчет он.

Я уже говорила ему, но все равно повторяю мое среднее имя:

– Николь.

Он начинает было улыбаться, но потом, перестав, отвеча-

ет:

– Я знаю твое имя. Но откуда ты? Почему мы никогда раньше не встречались?

Мне не хочется этих расспросов. У меня нет честных ответов на них. Я подвигаюсь ближе к его губам.

– А кто *ты*?

– Леджер, – отвечает он и тут же разрывает надвое мое прошлое, вытаскивает то, что еще оставалось от моего сердца, бросает на пол и целует меня.

* * *

Говорят: «упасть в любовь», но, если подумать, *упасть* – такое грустное слово. Падать плохо. Можно упасть на пол, упасть духом, упасть с небес на землю.

Кто бы ни был тот первый человек, сказавший «упасть в любовь», он, должно быть, уже из нее выпал. Иначе бы он назвал это как-нибудь получше.

Скотти сказал мне, что любит меня, где-то посередине наших отношений. В тот вечер я должна была в первый раз встретить его лучшего друга. Я уже познакомилась с его родителями, и он был в восторге, но не в таком, как в тот момент, когда он собирался представить меня своему лучшему другу, которого считал братом.

Но эта встреча так и не состоялась, я уже и не помню почему. Это было давно. Его друг не смог прийти, и Скотти

огорчился, так что я испекла ему печенье, мы выкурили косяк, и я отсосала ему. Я была лучшей на свете девушкой.

Пока не убила его.

Но это было за три месяца до его смерти, и в тот вечер он, хоть и грустил, был очень даже живым. У него билось сердце, стучал пульс, вздымалась грудь, а в глазах стояли слезы, когда он сказал: *Черт, Кенна, я люблю тебя. Люблю больше, чем кого-либо на этом свете. Я всегда скучаю по тебе, даже когда мы вместе.*

Эти слова запали мне в душу. *Я всегда скучаю по тебе, даже когда мы вместе.*

Я думала, это *единственное*, что я запомнила из того вечера, но я ошибалась. Я запомнила кое-что еще. Имя.

Леджер.

Лучший друг, который так и не пришел. Лучший друг, которого я так и не встретила.

Лучший друг, который только что засунул язык мне в рот, руку мне под футболку и свое имя мне в грудь.

6

Леджер

Я не понимаю, как устроено влечение.

Что, что привлекает людей друг в друге? Почему десятки женщин еженедельно входят в двери этого бара и мне не хочется даже взглянуть на них лишний раз? Но потом появляется эта девушка, и я не могу оторвать от нее своих чертовых глаз.

А теперь и губ не могу оторвать.

Не знаю, почему и для чего я нарушил свое же собственное правило «никаких шашней с клиентами». Но что-то в ней говорило, что у меня единственный шанс. Я почувствовал, что она в городе проездом либо не собирается возвращаться сюда. А сегодняшний вечер стал исключением из ее привычного образа жизни, и если я упущу сейчас возможность, то буду жалеть об этом до самой старости.

Она казалась тихоней, но не из тех стеснительных тихонь. Она была тихой, как пламя, как шторм, что подбирается к тебе, а ты не замечаешь этого до тех пор, пока не начнешь до костей дрожать от грома.

Она была молчаливой, но все равно сказала достаточно, чтобы мне захотелось услышать остальное. На вкус она как яблоки, хоть раньше и пила кофе, а яблоки — мои люби-

мые фрукты. А теперь вообще, наверное, моя любимая пища. *Точка.*

Мы целуемся уже несколько секунд, и, несмотря на то что она сделала первый шаг, она все еще кажется изумленной тем, что мои губы касаются ее губ.

Может, она хотела, чтобы я подождал с этим немного дольше, а может, не ожидала, что это окажется вот так – *надеюсь, она чувствует то же самое*, – в любом случае вряд ли она тихонько ахнула перед нашим поцелуем потому, что не хотела целоваться.

Она немного неуверенно отстраняется, но потом, кажется, что-то решает и снова подается ко мне и целует опять, с большей решимостью.

Но эта решимость тоже исчезает. Слишком быстро. Она снова отстраняется, и на сей раз у нее в глазах читается сожаление. Она быстро мотает головой и упирается руками мне в грудь. Я накрываю ее ладони своими, и она шепчет: «Прости».

Соскользнув с меня так, что ее бедро задевает мою ширинку – отчего я твердею еще сильнее, – она выходит из-за столика. Я ловлю ее за руку, но ее пальцы выскальзывают из моих, и она отходит еще дальше.

– Я не должна была приходить.

Она отворачивается от меня и направляется к двери. Я теряюсь.

Я не успел запомнить ее лицо, и мне вовсе не нравится,

что она уходит до того, как я успеваю как следует запечатлеть в памяти форму этих губ, которые только что касались моих.

Я выхожу из-за столика и иду за ней.

Она не может открыть дверь. Дергает ручку и толкает ее, как будто хочет убежать от меня как можно быстрее. Я хочу умолять ее остаться, но и хочу помочь ей уйти, так что открываю верхний замок и толкаю ногой дверь, откинув защелку нижнего. Дверь распахивается, и она вылетает наружу.

Глубоко вздохнув, она поворачивается и смотрит на меня. Я впиваюсь глазами в ее рот, жалея, что не обладаю фотографической памятью.

Ее глаза больше не цвета ее футболки. Теперь они стали светлее, потому что наполнились слезами. И снова я не знаю, что делать. Я никогда не встречал девушки, в которой сменялось так много эмоций за такое непродолжительное время, и при этом они не казались вымученными или мелодраматичными. Кажется, что каждое свое движение, каждое чувство ей хочется схватить и спрятать обратно.

Она кажется смущенной.

Она тяжело дышит, пытаясь вытереть слезы, собирающиеся у нее в глазах, и поскольку я не знаю, что надо сказать, то просто обнимаю ее.

Ну что я еще могу поделать?

Я прижимаю ее к себе, и она на секунду замирает, но потом, почти сразу, выдыхает и расслабляется.

Мы стоим вдвоем, только мы и никого больше. Уже перевалило за полночь, все остальные спят по домам, смотрят кино, занимаются любовью. А я стою на главной улице города, прижимаю к себе очень грустную девушку, гадаю, почему же она так печальна, и желаю, чтобы она не казалась мне такой прекрасной.

Ее лицо жмется к моей груди, руки крепко обнимают меня за талию. Ее лоб приходится как раз на высоту моих губ, но она наклоняет голову, и я касаюсь подбородком ее макушки.

Я глажу ее руки.

Мой грузовик стоит за углом. Я всегда паркуюсь там, в проезде, но она расстроена, и мне не хочется вести ее за собой, когда она плачет. Я прислоняюсь к столбу навеса и привлекаю ее к себе.

Проходит минуты две, может, три. Она не отпускает меня. Она прижимается ко мне, впитывая то утешение, которое даруют ей мои руки, и грудь, и плечи. Я глажу ее по спине вверх и вниз, все слова застревают в глотке.

С ней что-то не то, что-то не так. Я даже не уверен, хочу ли знать что. Но я не могу просто бросить ее на улице и уехать прочь.

Кажется, она больше не плачет, когда говорит:

– Мне надо домой.

– Я подвезу тебя.

Она мотает головой и отстраняется от меня. Я придерживаю руками ее за плечи и замечаю, что она, сложив руки на

груди, двумя пальцами касается моей правой кисти. Очень быстрое движение, но неслучайное, словно она хотела еще раз дотронуться до меня на прощание.

– Я живу недалеко. Я пройдуся.

Если она думает, что пойдет домой пешком, она ненормальная.

– Слишком поздно, чтобы ходить одной. – Я указываю в проезд. – Мой грузовик тут в пяти метрах.

По понятным причинам она немного медлит, но потом, взяв мою протянутую руку, идет со мной за угол. Увидев мой грузовик, она останавливается. Я оборачиваюсь – она озабоченно смотрит на него.

– Если хочешь, могу вызвать тебе такси. Но клянусь, я просто хочу подвезти тебя домой. Никаких ожиданий.

Она смотрит куда-то себе под ноги, но идет за мной в сторону грузовика. Я открываю ей пассажирскую дверь. Забравшись в кабину, она не глядит вперед. Она продолжает смотреть на меня, а ее ноги мешают мне закрыть дверцу. Она смотрит так, словно что-то разрывает ее изнутри. Ее брови изломаны. Не думаю, что когда-нибудь видел кого-то в такой печали.

– Ты в порядке?

Откинув голову на спинку сиденья, она не сводит с меня взгляда.

– Буду в порядке, – тихо говорит она. – Завтра у меня важный день. Я просто волнуюсь.

– А что будет завтра? – спрашиваю я.

– У меня будет важный день.

Она явно не собирается откровенничать, и я киваю, уважая ее личное пространство.

Она сосредотачивается на моей руке. Касается края моего рукава, и я кладу руку ей на колено, потому что мне хочется дотронуться до нее, и колено кажется наиболее безопасным местом, пока она не даст мне понять, где именно она хочет почувствовать мою ладонь.

Я не понимаю, что ей нужно. Большая часть людей приходит в бар, ясно обозначая свои намерения. Сразу можно сказать, кто пришел, чтобы завязать знакомство, а кто – чтобы нажраться в хлам.

А эту девушку я не понимаю. Кажется, она случайно открыла дверь бара и оказалась внутри, совершенно не зная, чего ей хочется.

Может, она просто хотела пропустить сегодняшний вечер и оказаться сразу в завтрашнем дне с тем важным делом, которое ее ожидало.

Я жду какой-то подсказки, чтобы понять, чего она хочет от меня. Я думал, что просто отвезу ее домой, но она не повернулась вперед, к лобовому стеклу. Вроде бы ей хочется, чтобы я снова поцеловал ее. Но мне не хочется, чтобы она снова заплакала. *Но мне хочется снова поцеловать ее.*

Я касаюсь ее лица, и она вжимается в мою ладонь. Я все еще не уверен, что ей комфортно, и медлю, пока она не тя-

нется ко мне сама. Я встаю между ее ног, и она обхватывает коленями мои бедра.

Я понимаю намеки.

Я скольжу языком по ее губам, и она втягивает меня в себя, сладко выдохнув мне в рот. Она все еще яблочная на вкус, но ее рот стал солонее, а язык – настойчивее. Она отдается моему поцелую, и я вжимаюсь в грузовик, в нее, и она медленно откидывается на сиденье, увлекая меня за собой. Я наклоняюсь над ней, стоя у нее между ног, прижимаясь к ней.

То, как она, не разрывая поцелуя, неглубокими глотками втягивает в себя воздух, сводит меня с ума.

Она направляет мою руку себе под футболку, и я обхватываю ее грудь, а она обхватывает меня ногами, и мы тремся друг о друга, словно чертовы старшеклассники, которым больше некуда пойти.

Мне хочется затащить ее обратно в бар и сорвать с нее одежду, но и того, что происходит сейчас, достаточно. Нечто большее было бы слишком. Для нее. А может, и для меня. Не знаю, но я просто чувствую, что ее губ и грузовика пока достаточно.

Спустя несколько минут поцелуев в темноте я отрываюсь от нее ровно настолько, чтобы увидеть, как ее глаза закрыты, а губы распахнуты. Я продолжаю ритмично тереться об нее, а она приподнимает бедра мне навстречу, и, готов поклясться, даже в одежде этого оказывается достаточно, чтобы начался

пожар. Между ее бедрами так горячо, но я не уверен, что смогу так кончить. Не думаю, что и она сможет. Мы просто сойдем с ума, если не найдем способа стать еще ближе друг к другу – ну или прекратить все полностью.

Я бы пригласил ее к себе домой, но родители в городе, а к этой парочке я никого и близко не подпущу.

– Николь, – шепчу я. Мне неловко даже думать об этом, я не могу продолжать обжиматься с ней тут, в проезде, как будто она недостойна нормальной постели. – Мы можем вернуться в бар.

Она мотает головой.

– Нет. Мне нравится твой грузовик. – И снова ловит губами мои губы.

Ну, если ей нравится мой грузовик, то я его *обожаю*. Мой грузовик сейчас – второе самое любимое мое место в этом мире.

А первое – ее рот.

Она подводит мою руку к молнии своих джинсов, и я, подчиняясь, расстегиваю их, не отрывая языка от ее рта. Я засовываю руку в ее джинсы и касаюсь пальцами трусиков. Она стонет, и это звучит так громко в тишине спящего города.

Я сдвигаю трусики набок и меня встречают гладкость кожи, тепло и стон. Делая вдох, я ощущаю дрожь собственного дыхания.

Я зарываюсь лицом в ее шею, и тут нас освещают фары.

– Черт. – Грузовик стоит в боковом проезде, но нас все

равно могут заметить с улицы. И мы внезапно возвращаемся в реальность. Я вытаскиваю руку из ее джинсов, и она застегивает их. Я помогаю ей сесть, и она принимается поправлять волосы, глядя перед собой.

Я закрываю дверцу и обхожу грузовик. Машина подъезжает, притормаживает и останавливается прямо у начала проезда. Я бросаю на нее взгляд – это патрульная машина Грэйди. Он опускает окно, и я подхожу ближе.

– Долгий вечер? – спрашивает он, наклоняясь на пассажирское сиденье, чтобы лучше увидеть меня с водительского места.

Я оглядываюсь на Николь в кабине и снова перевожу взгляд на него.

– Ну да. Только закрылся. Ты до утра?

Он приглушает радио.

– Уитни взяла еще дежурство в больнице, так что я пока буду по ночам. Мне нравится. Все спокойно.

Я стучу по капоту и отхожу.

– Рад слышать. Пойду. Увидимся завтра на поле?

Грэйди замечает, что что-то происходит. Обычно я не так быстро сворачиваю беседу. Он наклоняется вперед, оглядываясь по сторонам и пытаясь разглядеть, кто у меня в грузовике. Шагнув вправо, я перекрываю ему обзор.

– Доброй ночи, Грэйди. – И указываю на дорогу, давая понять, что он может продолжить патрулирование.

Он ухмыляется.

– Ага. И тебе.

Я не пытаюсь ее спрятать. Но я просто знаю, что жена Грейди – сплетница, а мне не хочется завтра же стать предметом всеобщих обсуждений.

Я забираюсь в кабину. Она сидит, подняв ноги на панель, и смотрит в окно, избегая встречаться со мной взглядом. Мне не хочется, чтобы она испытывала неловкость. Это последнее, чего я хочу. Я наклоняюсь к ней и заправляю ей за ухо прядь волос.

– Все нормально?

Она кивает, но кивок получается вымученным.

И улыбка тоже.

– Я живу возле «Сефко».

Это заправка почти в четырех километрах отсюда. Она говорила, что живет близко, но четыре километра ночью – это совсем не близко.

– «Сефко», которая на Бельвью?

Она пожимает плечами.

– Наверное. Я не знаю названий всех улиц. Я только сегодня туда переехала.

Тогда понятно, почему я ее не знаю. Мне хочется спросить что-то вроде: *«Откуда ты? Что привело тебя сюда?»* Но я молчу, потому что мне кажется, она не желает отвечать ни на какие вопросы.

Четыре километра без пробок – это всего пара минут, а пара минут длятся совсем недолго, но и они могут показать-

ся вечностью, если ты в грузовике с девушкой, которую почти трахнул. И это не был бы хороший секс. Это почти наверняка был бы быстрый, липкий, эгоистичный – ей-бы-он-точно-не-понравился – секс.

Я хочу извиниться, но не уверен, за что именно, и боюсь, что она подумает, будто я о чем-то жалею. Я-то жалею только о том, что везу ее домой, а не к себе.

– Я живу здесь, – говорит она, указывая на «Райские апартаменты».

Я нечасто бываю в этой части города. Она в другой стороне от моего дома, и я редко езжу этой дорогой. Я, честно говоря, думал, что это здание уже снесли.

Я въезжаю на парковку и собираюсь заглушить мотор и открыть для нее дверцу, но она выскакивает из грузовика еще до того, как я поворачиваю ключ.

– Спасибо, что подвез, – говорит она. – И... за кофе. – Она захлопывает дверцу и поворачивается, чтобы уйти, как будто мы так сейчас и расстанемся.

Я распахиваю свою дверь.

– Эй. Погоди.

Она останавливается, но не оборачивается ко мне, пока я не догоняю ее. Она стоит, обхватив себя руками, закусив губу, нервно почесывая плечо. И переводит на меня взгляд.

– Можешь ничего не говорить.

– В смысле?

– Ну... Я же знаю, что это было. – Она машет рукой в сто-

рону грузовика. — Можешь не просить мой телефон, у меня все равно его нет.

Откуда ей знать, что это было? *Я и сам этого не знаю.* Мой мозг все еще пытается осознать хоть что-нибудь. Может, надо спросить у нее. *А что это было? Что это значит? Оно может случиться снова?*

Я на неизведанной территории. У меня бывал секс на одну ночь, но все обсуждалось заранее. И это всегда происходило в постели или на чем-то подобном.

Но поцелуи с ней случились спонтанно, а потом нас прервали, и произошло все не просто где-нибудь, а в проезде позади бара. И я чувствую себя козлом.

Я понятия не имею, что говорить. Не знаю, куда девать руки, потому что мне хочется обнять ее на прощание, но, похоже, она больше не желает ко мне прикасаться. Я засовываю руки в карманы джинсов.

— Я бы хотел снова тебя увидеть.

И это не ложь.

Ее взгляд мечется от меня к зданию.

— Я не... — она вздыхает и просто говорит: — Нет, спасибо.

Ее тон так вежлив, что я даже не могу обидеться.

Я стою перед домом и смотрю, как она уходит, пока она не поднимается по ступенькам и не входит в подъезд, не пропадает из виду. Но даже тогда я продолжаю стоять на том же месте, потому что думаю, что потрясен, или, по крайней мере, ошеломлен.

Я вообще ее не знаю, но она кажется интереснее, чем те, кого я встречал за очень долгое время. Я бы хотел расспросить ее. Она не ответила ни на один вопрос о себе, который я задал. Кто она, на фиг, такая?

И почему у меня такое чувство, что я должен узнать о ней больше?

Кенна

Дорогой Скотти.

Когда говорят, что мир тесен, это не шутка. Он крошечный. Малюсенький. И перенаселенный.

Рассказываю тебе все это только потому, что знаю – ты этого не сможешь прочесть, – но я увидела сегодня грузовик Леджера и думала, что разрыдаюсь.

Вообще-то я и так уже плакала, потому что он назвал свое имя, и я поняла, кто он, и целовалась с ним и чувствовала себя виноватой, и выбежала на улицу, и у меня чуть не случилась паническая атака. Ужасно стыдно.

Но да. Этот чертов грузовик. Не могу поверить, что он все еще у него. Я помню, как ты подъехал на нем, когда мы шли на наше первое свидание. Я еще смеялась, потому что он такой ярко-оранжевый, и не могла поверить, что кто-то мог сознательно выбрать такой цвет для своей машины.

Я написала тебе больше трех сотен писем и только сегодня, перебирая их, поняла, что ни в одном не описала в подробностях то, как мы встретились. Я писала про наше первое свидание, но никогда не упоминала о том, как мы увиделись в первый раз.

Я работала кассиром в магазине «Все-за-доллар». Это бы-

ла моя первая работа после того, как я приехала сюда из Денвера. Я никого не знала, но мне не было до этого дела. Я жила в новом штате, в новом городе, и никто не относился ко мне с предубеждением. Никто не знал мою мать.

Когда подошла твоя очередь, я сразу тебя даже не заметила. Я редко смотрела на покупателей, особенно на своих ровесников. Парни моего возраста до тех пор только разочаровывали меня. Я думала, может, мне должны нравиться мужчины постарше, а может, вообще женщины, потому что ни с одним парнем своего возраста я не чувствовала себя хорошо. После многочисленных посвистываний в свой адрес и сексуальных домогательств я совершенно утратила веру в моих ровесников мужского пола.

В этом маленьком магазине, где все стоило доллар, люди обычно приносили на кассу полную корзинку всего. А ты отстоял очередь ради тарелки. Я еще подумала, что за человек, покупает всего одну тарелку. Понятно же, что люди приглашают в гости друзей или хотя бы надеются на какую-то компанию. А тот, кто покупает одну тарелку, что, рассчитывает всегда есть один?

Я пробила тарелку, завернула ее, положила в пакет и протянула тебе.

Но взглянула тебе в лицо я только спустя несколько минут, когда ты снова подошел к моей кассе. Ты покупал вторую тарелку. И я как-то успокоилась за тебя. Я пробила вторую тарелку, ты дал мне доллар и какую-то мелочь, я вручи-

ла тебе пакет, и тут ты мне улыбнулся.

И в этот момент ты меня и завоевал, хотя, возможно, сам этого и не понял. От твоей улыбки меня всю охватило теплом. Это было и волнительно, и приятно, и я не знала, что мне делать со всеми этими чувствами, так что я просто отвернулась.

Спустя две минуты ты снова стоял у моей кассы с третьей тарелкой.

Я пробила чек. Ты заплатил. Я завернула тарелку, вручила тебе пакет и на сей раз сказала:

– Приходите еще.

Ты усмехнулся и ответил:

– Ну, раз вы настаиваете.

Ты обошел кассу и направился к стойке с тарелками. Других покупателей не было, и я смотрела на эту стойку, пока ты не появился с четвертой тарелкой и не принес ее на кассу.

Я пробила тарелку и сказала:

– Знаете, вам необязательно покупать их по одной.

– Знаю, – ответил ты. – Но мне была нужна только одна.

– Тогда почему же вы покупаете уже четвертую?

– Потому что пытаюсь набраться храбрости и пригласить вас куда-нибудь.

На это я и надеялась. Я протянула тебе пакет, ожидая, что твои пальцы коснутся моих. И они коснулись. Чувство было таким, как я себе его и представляла, словно наши руки оказались намагничены. Мне пришлось приложить усилие,

чтобы убрать руку.

Я пыталась казаться безразличной к твоим ухаживаниям, потому что всегда так вела себя с мужчинами, и сказала:

– Политика нашего магазина запрещает работникам встречаться с покупателями.

В моем голосе не звучало никакой искренней убежденности, но, думаю, тебе понравилась эта игра, потому что ты сказал:

– Ладно. Дайте мне минутку, чтобы это исправить.

Ты подошел к другой кассирше, всего в нескольких метрах от меня, и я услышала, как ты говоришь:

– Будьте любезны, я хочу вернуть эти тарелки.

Кассирша разговаривала по телефону во время твоих четырех походов к моей кассе, и я не уверена, что она знала, что ты придуриваешься. Она взглянула на меня и скорчила гримаску. Я пожала плечами, как будто не знала, в чем дело и почему у этого парня четыре чека на четыре тарелки, а потом и вовсе отвернулась, чтобы обслужить нового покупателя.

Через несколько минут ты подошел к моей кассе и положил передо мной квитанцию.

– Я больше не покупатель. И что теперь?

Я взяла квитанцию, притворяясь, что внимательно ее изучаю. Потом вернула ее тебе и сказала:

– Я заканчиваю в семь.

Ты сложил квитанцию и, не глядя на меня, сказал:

– Увидимся через три часа.

Надо было сказать, что я заканчиваю в шесть, потому что в итоге я ушла с работы пораньше. В итоге я провела лишний час в соседнем магазине, выбирая новый наряд. Но ты не появился даже в двадцать минут восьмого, так что я сдалась и уже шла к своей машине, когда ты влетел на парковку и тормознул прямо рядом со мной. Опустил окно и закричал:

– Прости, что я опоздал!

Я и сама постоянно опаздывала, так что не мне было судить тебя за непунктуальность, но я уж точно осудила этот твой грузовик. Я подумала, ты или ненормальный, или слишком уж в себе уверен. Это был старый «Форд F-250». С большой двойной кабиной, самого страшного оранжевого цвета, какой я только видела.

– Мне нравится твоя машина. – Я не была уверена, вру я или говорю правду. Этот грузовик выглядел настолько уродливым, что я была от него в ужасе. Но именно поэтому мне даже понравилось, что ты приехал за мной на нем.

– Это не моя. Это машина моего лучшего друга. А моя в ремонте.

Я почувствовала облегчение оттого, что это не твоя машина, но и некоторое разочарование, потому что цвет был такой забавный. Ты жестом пригласил меня сесть в кабину. Ты казался гордым, и от тебя пахло леденцами.

– Так ты потому и опоздал? У тебя сломалась машина?

Ты покачал головой и ответил:

– Нет. Я должен был расстаться со своей девушкой.

Я уставилась на тебя:

– У тебя есть девушка?

– Больше нет. – Ты смущенно взглянул на меня.

– Но когда ты приглашал меня на свидание, еще была?

– Да, но когда я покупал третью тарелку, то уже понял, что мне придется с ней расстаться. И давно было пора, – сказал ты. – Мы оба уже какое-то время были к этому готовы. Просто неохота было начинать. – Ты включил поворотник, заехал на заправку и встал у колонки. – Моя мама расстроится. Она ей нравилась.

– А я обычно мамам не нравлюсь, – призналась я.

Ну или, скорее, предупредила.

Ты улыбнулся.

– Это я вижу. Мамам обычно нравится видеть рядом с сыном скромных девушек. А ты слишком секси, чтобы мама не переживала.

Я не из тех, кто обижается, когда парень называет меня секси. А в тот день я долго старалась, чтобы так выглядеть. Я потратила кучу денег на лифчик и купленную полчаса назад майку с глубоким вырезом, такую, чтобы мои сиськи выглядели не хуже покупных.

Так что я оценила комплимент, хоть, может, и слегка вульгарный.

Пока ты заправлял бензином машину своего друга, я думала о скромного вида девушке, чье сердце ты только что

разбил просто потому, что я согласилась пойти с тобой на свидание, и в эту минуту ощущала себя какой-то змеей.

Но, даже чувствуя себя змеей, я не собиралась никуда уползать. Мне так нравилась твоя энергетика, что я собиралась обвиться вокруг тебя и никуда не отпускать.

Когда Леджер сегодня вечером проговорил мне в губы свое имя, я едва не переспросила его: «Леджер, друг Скотти?» Но этот вопрос прозвучал бы бессмысленно, потому что я и так сразу поняла, что это был твой Леджер. Ну сколько тут может быть Леджеров?

Я никогда больше ни одного не встречала.

Меня переполняли вопросы, но Леджер целовал меня, и меня разрывало изнутри, потому что мне хотелось ответить на его поцелуй, но еще больше хотелось расспросить его о тебе. Я хотела спросить: «А каким Скотти был в детстве? Что тебе нравилось в нем? А вы говорили с ним обо мне? А ты общаешься с его родителями? Ты видел мою дочку? Ты можешь помочь мне собрать мою прежнюю жизнь по кусочкам?»

Но я не могла ничего сказать, потому что твой лучший друг сунул в мой рот свой обжигающе горячий язык, словно клеймя меня словом ИЗМЕННИЦА.

Не знаю, почему мне казалось, что я тебе изменяю. Ты уже пять лет как умер, а я целовалась с охранником в тюрьме, так что твой поцелуй даже не был для меня последним. Но от поцелуя с охранником мне не казалось, что я тебя пре-

даю. Может, это потому, что охранник не был твоим лучшим другом.

А может, я изменница потому, что взаправду почувствовала поцелуй Леджера. Меня всю охватила дрожь, как бывало от твоих поцелуев, но теперь, с Леджером, меня еще обужало чувство, что я предательница, лгунья и дрянь, потому что Леджер не знал, кто я. Леджер просто целовался с проезжей девушкой, на которую не мог перестать смотреть целый вечер.

А я целовалась с крутым барменом, чей лучший друг погиб из-за меня.

Все взорвалось. Мне казалось, я разлетаюсь на мелкие кушочки. Я позволила Леджеру прикасаться ко мне, отлично зная, что он скорее бы заколол меня, если бы знал, кто я такая. А отстраняться от его поцелуев смахивало на попытку тушить лесной пожар атомной бомбой.

Я хотела попросить прощения, я хотела убежать.

Я едва не теряла сознание, думая о том, что Леджер, наверное, знал тебя гораздо лучше, чем я. Просто ужасно, что единственный парень, с которым я заговорила в этом городе, оказался человеком, которого мне лучше бы избегать.

Но Леджер не отвернулся от меня, когда я заплакала. Он сделал то, что сделал бы ты. Он крепко обнял меня и позволил мне отдаться чувствам, и это было приятно, потому что никто так не обнимал меня после тебя.

Я закрыла глаза и представила, что твой лучший друг был

и моим другом. Что он на моей стороне. Я представила, что он обнимает меня, несмотря на то что я с тобой сделала, и что он хочет мне помочь.

А еще я позволила случиться всему этому, потому что, если Леджер все еще в этом городе и все еще ездит на той же машине, в которой мы с тобой встретились много лет назад, это означает, что он – человек привычки. И весьма вероятно, что наша дочь – тоже одна из его привычек.

Может ли быть так, что Диэм всего в одном человеке от меня?

Если ты можешь видеть эти страницы, на которых я пишу тебе, то ты видишь и пятна от слез. Плакать, похоже, осталось единственным в жизни, что у меня получается. Плакать и принимать плохие решения.

Ну и, конечно, я еще пишу тебе плохие стихи. Вот еще одно, которое я написала в автобусе, пока ехала обратно в этот город.

Дочку свою я в руках не держала.

Запах ее я не ощущала.

Имя ее вслух не называла.

А ее мать ее вмиг потеряла.

С любовью, Кенна.

8

Леджер

Вернувшись домой вчера вечером, я не заехал в гараж. Диэм любит, проснувшись утром, выглянуть из окна, чтобы убедиться, что я дома, а если машина в гараже, то она огорчается. По словам Грейс.

Я живу напротив них с тех пор, как Диэм исполнилось восемь месяцев, но если не считать времени, когда я уезжал в Денвер, то я живу в этом доме всю жизнь.

Мои родители уже несколько лет не живут тут, даже притом, что сейчас они оба спят в гостевой спальне.

Когда отец вышел на пенсию, они купили трейлер и теперь путешествуют по стране. Вернувшись в город, я выкупил у них дом, а они погрузились в трейлер и уехали. Я думал, это продлится в лучшем случае год, но прошло уже больше четырех, и они не проявляют никакого желания останавливаться.

Если бы только они еще предупреждали, когда появятся. Может, стоит поставить в их телефоны приложение с GPS, чтобы я мог получать какие-то предупреждения? Не то чтобы я не радовался их приездам. Но было бы все же лучше, если бы я мог к ним подготовиться.

Вот почему свой новый дом я обношу забором.

Ну, по крайней мере, планирую.

Строительство идет небыстро, потому что мы с Романом много делаем сами. Каждое воскресенье мы с ним приезжаем туда, в Чешир-Ридж, и работаем с восхода и до заката. Самые трудные вещи я отдаю на заказ, но большую часть постройки мы сделали сами. После двух лет такой воскресной работы дом начал принимать законченный вид. Так что, может, еще полгода, и я туда перееду.

– Куда ты идешь?

Я оборачиваюсь уже у самой двери в гараж. Отец стоит на пороге гостевой спальни. В одних трусах.

– У Диэм бейсбол. Не хотите тоже пойти?

– Не-а. Слишком сильное похмелье, чтоб иметь дело с детьми, да и нам надо ехать дальше.

– Вы уже уезжаете?

– Мы через пару недель вернемся. – Отец обнимает меня. – Твоя мать еще спит, но я передам ей, что ты попрощался.

– Может, если вы в следующий раз заранее сообщите, что приедете, я возьму выходной.

Отец качает головой.

– Не, нам нравится изумление на твоем лице, когда мы приезжаем внезапно.

Он уходит в ванную и закрывает дверь.

Я выхожу через гараж и иду через улицу к дому Грейс и Патрика.

Я надеюсь лишь, что у Диэм не будет охоты поболтать, потому что мне чертовски трудно сконцентрироваться. Я могу думать только о той девушке из бара и о том, как я хочу снова увидеть ее. Интересно, будет очень по-дурацки, если я оставлю записку у нее на двери?

Я стучу в дверь Грейс и Патрика и вхожу. Мы постоянно ходим домой друг к другу, и в какой-то момент нам надоело кричать: «*Открыто!*» У нас всегда открыто.

Грейс на кухне. Диэм сидит посреди стола, скрестив ноги, и с миской омлета на коленях. Она никогда не сидит на стуле. Она всегда сидит сверху чего-то вроде спинки дивана, кухонной стойки, обеденного стола. Она верхолаз.

– Ты еще в пижаме, Ди. – Я забираю у нее миску и указываю в сторону коридора. – Давай одевайся, нам уже пора. – Она убегает в свою комнату надевать бейсбольную форму.

– Мне казалось, игра в десять, – говорит Грейс. – Я бы ее передела.

– Так и есть, но я сегодня дежурю, раздаю им напитки, так что мне надо заскочить в магазин, а потом еще подобрать Романа. – Опершись на стойку, я беру мандарин и принимаюсь чистить его. Грейс загружает посудомойку. Она сдувает со щеки упавшую прядь волос.

– Она хочет горку, – говорит Грейс. – Такую большую, нелепую, с разными модулями, вроде тех, что были у вас во дворе. У ее школьной подружки Найлы есть такая, а ты же знаешь, мы не можем ей отказать. Это будет ее пятый день

рождения.

– Она все еще у меня.

– Правда? Где?

– Она разобрана и лежит в сарае, но я могу помочь Патрику ее собрать. Должно быть не так уж и сложно.

– Думаешь, она еще в нормальном состоянии?

– Ну, когда я ее разбирал, то была. – Я не говорю ей, что разобрал ее из-за Скотти. После его смерти, глядя на нее, я всякий раз злился. Сунув в рот очередную дольку мандарина, я перевожу мысли в другое русло. – Не могу поверить, что ей уже пять.

Грейс вздыхает.

– Знаю. Невозможно. *Нечестно.*

Патрик заглядывает в кухню и ерошит мне волосы, как будто мне не без малого тридцать и я не выше его сантиметров на десять. – Грейс тебе сказала, что мы не идем на игру?

– Еще нет, – говорит Грейс. Закатив глаза, она переводит на меня раздраженный взгляд. – Моя сестра в больнице. Все в порядке, плановая операция, но нам нужно отвезти ее домой и покормить ее кошек.

– А что она делает на этот раз?

Грейс машет рукой перед лицом.

– Что-то с глазами. Кто знает? Она на пять лет старше меня, а выглядит на десять моложе.

Патрик закрывает ей рот.

– Брось. Ты прекрасна. – Грейс, рассмеявшись, отбрасы-

вает его руку.

Я никогда не видел, чтобы они ссорились. Даже когда Скотти был маленьким. Мои родители часто пререкаются, пусть даже и в шутку, но за все двадцать лет, что я знаю Грейс и Патрика, они и этого никогда не делали.

Я тоже хочу так. Когда-нибудь. Хотя у меня нет на это времени. Я слишком много работаю, и иногда мне кажется, что я медленно закапываю себя в землю. Если я хочу прожить с девушкой столько времени, чтобы у нас сложилось, как у Грейс с Патриком, надо что-то менять.

– Леджер! – кричит Диэм из своей комнаты. – Помоги! – Я иду в коридор, чтобы посмотреть, что ей нужно. Она роется в шкафу, стоя на коленях. – Я не могу найти второй сапог – мне нужен сапог.

Она держит в руках красный ковбойский сапог и копается в вещах в поисках второго.

– Зачем тебе сапоги? Тебе нужны щитки.

– Я сегодня не хочу щитки. Я хочу надеть сапоги.

Щитки лежат у нее на кровати, и я беру их.

– В бейсболе не носят сапоги. Давай прыгай на кровать, я помогу тебе надеть их.

Она поднимается и швыряет на кровать второй красный сапог.

– Нашла! – Захихикав, она взбирается на кровать и начинает натягивать сапоги.

– Диэм, это бейсбол. В бейсбол не играют в сапогах.

– А я играю. Сегодня я буду в сапогах.

– Нет, не бу... – Я замолкаю. У меня нет времени с ней спорить, и я знаю, что, когда она придет на поле и увидит остальных детей в щитках, она даст мне снять эти сапоги. Так что я помогаю ей их надеть и захватываю щитки с собой, вынося ее из комнаты.

Грейс ждет нас у двери. Она протягивает Диэм пакетик сока.

– Хорошего дня. – Она целует Диэм в щеку и тут замечает ее сапоги.

– Не спрашивай, – говорю я, открывая входную дверь.

– Пока, Нана, – говорит Диэм.

Патрик в кухне, но, когда Диэм не прощается с ним, он драматически бежит за нами:

– А как же НоНо?

Когда Диэм начала говорить, Патрик хотел, чтобы она называла его *Папа*, но почему-то она стала называть Грейс *Нана*, а Патрика – *НоНо*, и это получалось настолько смешно, что мы с Грейс поощряли прозвища, и так они и закрепились.

– Пока, НоНо, – хихикая, говорит Диэм.

– Может, мы не успеем вернуться раньше вас, – говорит Грейс. – Если нет, оставишь ее у себя?

Не знаю, почему Грейс вообще спрашивает меня об этом. Я никогда не отказывался. И никогда не откажусь.

– Не торопитесь. Мы сходим куда-нибудь пообедать. – Ко-

гда мы выходим на улицу, я опускаю Диэм на землю.

– В «Макдоналдс»! – говорит она.

– Я не хочу в «Макдоналдс», – говорю я, пока мы переходим улицу, направляясь к моему грузовику.

– «Макавто»!

Я открываю заднюю дверцу и помогаю ей забраться в детское кресло.

– А как насчет мексиканской еды?

– Не-а. «Макдоналдс».

– А китайской? Мы давно не ели китайскую.

– «Макдоналдс».

– Знаешь что? Если ты наденешь на игру свои щитки, то мы пойдем в «Макдоналдс». – Я пристегиваю ее в кресле.

Она мотает головой.

– Нет, я хочу в сапогах. И я все равно не хочу есть, я сыта.

– К обеду проголодаешься.

– А вот и нет, я съела целого дракона. Я всегда буду сытой.

Иногда меня беспокоит, сколько она всего выдумывает, но она рассказывает все свои истории так убедительно, что я чаще удивляюсь, а не волнуюсь. Я не знаю, в каком возрасте ребенок должен понимать разницу между враньем и выдумкой, но я оставляю это на Грейс и Патрика. Мне не хочется подавлять мое любимое в ней качество.

Я выезжаю на улицу.

– Ты съела дракона? *Целого* дракона?

– Ага, но только это был маленький дракон, детеныш, и

поэтому он уместился в мой живот.

– Где это ты нашла детеныша дракона?

– В «Волмарте».

– Они продают там детенышей драконов?

Она принимается рассказывать, как в «Волмарте» продают детенышей драконов, но только надо иметь специальный купон, и их могут есть только дети. Когда мы доезжаем до Романа, она объясняет, как надо их готовить.

– С шампунем и солью, – говорит она.

– Но шампунь же не едят.

– Так ты его и не *ешь* – ты в нем готовишь дракона.

– А-а-а. Я глупый.

Роман садится в машину с таким счастливым видом, точно собирается на похороны. Он ненавидит дни бейсбола. Он не слишком-то жалуется детей. Он помогает мне тренировать их только потому, что никто из других родителей не вызвался это делать. А поскольку он работает на меня, то я просто внес это в круг его служебных обязанностей.

Он единственный из моих знакомых, кому платили бы за работу детского тренера, но, похоже, сам он к этому не стремится.

– Привет, Роман, – нараспев говорит Диэм с заднего сиденья.

– Я выпил только одну чашку кофе; не разговаривай со мной.

Роману двадцать семь, но они с Диэм в своих отношениях,

полных любви и ненависти, встречаются где-то посередине, потому что оба ведут себя, как будто им по двенадцать.

Диэм принимается барабанить по его подголовнику.

– Проснись, проснись, проснись!

Роман поворачивает голову и смотрит на меня.

– Вся эта фигня, которой ты занимаешься в свое свободное время, чтобы помочь детям, не принесет тебе никакой пользы в загробной жизни, потому что религия – всего лишь социальный конструкт, созданный обществом, которое желает контролировать людей, так что рай – это всего лишь условность. А мы сейчас могли бы спокойно спать.

– *Vau*. Не хотел бы я увидеть тебя *до кофе*. – Я выезжаю с его двора задним ходом. – Если рай всего лишь условность, что же тогда ад?

– Бейсбольное поле.

Кенна

Еще не было и десяти утра, а я уже побывала в шести местах, пытаюсь найти работу. И везде одно и то же. Они давали мне заявление. Спрашивали насчет опыта. Я говорила, что у меня его нет. И объясняла почему.

Тогда они извинялись и отказывали, но прежде оглядывали меня с ног до головы. Я знаю, что они думали. То же самое, что сказала моя квартирная хозяйка Рут, когда увидела меня в первый раз. *Не думала, что ты будешь выглядеть вот так.*

Люди считают, что женщина, побывавшая в тюрьме, должна выглядеть определенным образом. Что мы все одинаковые. Но мы матери, жены, дочери, *люди*.

И все, что мы хотим, – чтобы хоть в чем-то нам повезло. Хоть в чем-то.

Седьмым местом, куда я прихожу, становится продуктовый магазин. Он находится чуть дальше от моего дома, чем мне бы хотелось, примерно в шести километрах, но я уже опробовала все, что можно, между ним и домом.

Когда я захожу внутрь, с меня течет пот, так что я заглядываю в туалет, чтобы умыться. Я мою руки, когда в туалет заходит невысокая женщина с шелковистыми темными во-

лосами. Она не идет в кабинку. Просто прислоняется к стене и закрывает глаза. На ее бейджике написано: «Эми».

Когда она открывает глаза, то замечает, что я смотрю на ее туфли. На ней мокасины с вышивкой белыми и красными бусинами в форме круга.

– Нравится? – спрашивает она, поднимая ногу и покачивая ею из стороны в сторону.

– Да. Очень красивые.

– Их делает моя бабушка. Мы тут должны носить кроссовки, но старший менеджер не стал возражать против моих туфель. Думаю, он меня боится.

Я смотрю на свои грязные кроссовки. Мне становится противно. Я даже не понимала, что хожу в такой грязной обуви.

В таком виде нельзя искать работу. Я снимаю одну кроссовку и начинаю мыть ее в раковине.

– Я прячусь, – говорит женщина. – Так-то обычно я не торчу в туалете, но там в магазине сейчас одна старуха, которая всегда на все жалуется, а я, ну честно, сегодня не в состоянии выносить всю эту фигню. У меня дома двухлетка, и она не спала всю ночь, и я очень хотела взять больничный, но я старшая по смене, а старшим по смене больничный не положен. Так что мы приходим.

– И прячетесь в туалете.

– Именно, – ухмыляется она.

Я меняю кроссовки и начинаю мыть вторую. С комком в

горле я спрашиваю:

– А вы нанимаете персонал? Я ищу работу.

– Вообще да, но у нас, наверное, нет ничего для тебя.

Она не должна заметить мое отчаяние.

– А кого же вы нанимаете?

– Упаковщиков продуктов. Это неполная ставка, мы обычно держим их открытыми для подростков с особыми потребностями.

– А. Ясно. Нет, конечно, я не хотела бы отнимать у кого-то работу.

– Да не в этом дело, – говорит она. – У нас не так-то много желающих из-за малого количества часов, но нам правда нужен кто-то на частичную ставку. Вроде двадцати часов в неделю.

Этого не хватит даже на квартплату, но если я стану хорошо работать, то, может, и смогу дослужиться до другой позиции.

– Я могу поработать, пока не появится кто-то с особыми потребностями. Мне бы сейчас не помешали деньги.

Эми оглядывает меня сверху вниз.

– А почему тебе так это нужно? Платят очень фигово.

Я начинаю обуваться.

– Ну, я... – Я завязываю кроссовку, оттягивая неизбежное признание. – Я только что вышла из тюрьмы. – Я стараюсь произнести это быстро и уверенно, как будто меня это особо не волнует. – Но я не... Я смогу выполнять работу. Я никого

не подведу, и от меня не будет неприятностей.

Эми довольно громко смеется, но, когда я не смеюсь вместе с ней, она складывает руки на груди и наклоняет голову.

– Черт. Да ты что, серьезно?

Я киваю.

– Ага. Но если это против правил, я полностью понимаю. Ничего страшного.

Она отмахивается.

– Да ну. У нас и правил-то особых нет. Мы не сетевой магазин – мы можем нанимать кого хотим. Если честно, я обожаю смотреть этот сериал, *Оранжевый – новый черный*, так что если ты мне расскажешь, где там наврали, то я дам тебе заполнить заявление.

Я готова расплакаться. Но вместо этого изображаю улыбку.

– Я слышала столько шуток про этот сериал. Думаю, мне надо его посмотреть.

Эми кивает.

– Да. Да. Да. Сериал просто обалденный, и актеры отличные. Пошли со мной.

Мы с ней приходим к стойке обслуживания клиентов у входа в магазин. Она роется в ящиках, находит бланк заявления и протягивает мне вместе с ручкой.

– Если заполнишь прямо на месте, я поставлю тебя на инструктаж уже в понедельник.

Я беру у нее заявление. Мне так хочется поблагодарить

ее, обнять, сказать, что она изменила всю мою жизнь. Но я просто улыбаюсь и тихо иду с заявлением на лавочку возле входа.

Я вписываю свое полное имя, но среднее имя беру в кавычки, чтобы они поняли, что меня надо называть Николь. Я не могу носить в этом городе бейдж с именем «Кенна». Кто-нибудь узнает его.

И начнутся разговоры.

Я успеваю заполнить половину первой страницы, когда меня прерывают.

– Привет.

Услышав этот голос, я крепко сжимаю ручку пальцами. Я медленно поднимаю голову – и передо мной стоит Леджер с тележкой, в которой лежит дюжина упаковок «Гаторейда»¹.

Я переворачиваю листок, надеясь, что он не успел прочесть вписанное туда имя. Сглотнув, я стараюсь показаться более уравновешенной по сравнению со своим вчерашним состоянием. Я указываю на «Гаторейд».

– В баре сегодня особый заказ?

Кажется, он испытывает облегчение, как будто ожидал, что я пошлю его к черту. Он стучит по упаковке.

– Тренирую детишек играть в бейсбол.

Я отворачиваюсь, этот ответ почему-то смущает меня. Он не походит на детского тренера. Повезло этим мамашкам.

О нет. Он тренирует детей. Разве у него есть ребенок? Ре-

¹ Популярный спортивный напиток. (Прим. ред.)

бенок и жена? *Я что, едва не переспала с женатым бейсбольным тренером?* Я стучу ручкой по планшету.

— А ты, что... хм-м... Разве ты женат?

Его ухмылка подсказывает мне, что нет. Он мог даже не произносить этого вслух, но он качает головой и говорит:

— Нет. — А потом кивает на заявление у меня на коленках. — Ты устраиваешься на работу?

— Ага. — Я перевожу взгляд в сторону стола обслуживания. Эми смотрит на меня. Мне так нужна эта работа, и я боюсь, что она может подумать, будто я стану отвлекаться на симпатичных барменов во время работы. Я отворачиваюсь, боясь, что болтовня с Леджером испортит все мои шансы. Я снова переворачиваю заявление, но кладу его так, чтобы он не видел моего имени. И начинаю писать адрес, надеясь, что он уйдет.

Но Леджер не уходит. Он отодвигает тележку в сторону, чтобы люди могли ходить мимо него, прислоняется плечом к стене и говорит:

— Я надеялся снова встретить тебя.

Нет, я не буду так поступать.

Я не буду поощрять наше общение, пока он не понимает, кто я.

И не буду рисковать этой работой, заигрывая с посетителями.

— Ты можешь уйти? — шепчу я, но так, чтобы он услышал. Он корчит гримасу.

– Я сделал что-то не так?

– Нет, но мне правда нужно заполнить это заявление.

Он стискивает челюсти и отталкивается от стены.

– Мне просто показалось, что ты сердишься, и я как-то неловко чувствовал себя после вчерашнего, так что...

– Все в порядке. – Я снова оглядываюсь на стойку, и Эми все еще смотрит на меня. Обернувшись к Леджеру, я молю: – Мне *правда* очень нужна эта работа. А прямо сейчас мой будущий босс смотрит сюда, и – ничего личного, но ты весь в татуировках и выглядишь не очень, а мне не надо, чтобы она подумала, что из-за меня у нее возникнут неприятности. Мне плевать, что было вчера вечером. Все было по согласию. Все было нормально.

Он медленно кивает и хватается за ручку тележки.

– Все было *нормально*, – повторяет он, заметно обиженный.

Я чувствую некоторую неловкость, но не собираюсь ему врать. Он засунул руку мне в джинсы, и, если бы нам не помешали, мы бы, наверное, закончили бы тем, что трахнулись. *В его грузовике*. Ну насколько хорошим получился бы этот секс?

Но он прав – это было больше, чем *нормально*. Я не могу даже посмотреть на него, чтобы не заглядеться на его губы. Он отлично целуется, и мысли об этом меня преследуют, а ведь у меня столько гораздо более важных дел в жизни, чем пялиться на его рот.

Он пару секунд стоит молча, а потом вытаскивает из тележки пакет и достает коричневую бутылку.

– Я купил карамель. На случай, если ты снова зайдешь. – Он кидает бутылку в тележку. – В любом случае – удачи.

Он неуверенно поворачивается и выходит за дверь.

Я пытаюсь продолжить заполнять заявление, но понимаю, что вся дрожу. Мне кажется, будто во мне застряла бомба, которая начинает тикать в присутствии Леджера. И с каждой секундой я все ближе к тому, чтобы взорваться и выдать ему все свои тайны.

Я заполняю заявление, хотя почерк выходит нечетким, потому что руки дрожат. Когда я возвращаюсь к стойке и отдаю его Эми, она спрашивает:

– Это твой приятель?

Я изображаю дурочку.

– Кто?

– Леджер Уард.

Уард? Бар назывался «У Уарда». Он хозяин бара?

В ответ на вопрос Эми я мотаю головой.

– Нет, я его почти не знаю.

– Жаль. Он тут у нас лакомый кусочек, с тех пор как они с Леа разошлись.

Она говорит это так, будто я должна была знать эту Леа. Наверное, в таком городке все знают всех. Я гляжу на дверь, через которую ушел Леджер.

– Я не ищу лакомых кусочков. Мне бы обычную работу.

Эми смеется и просматривает мое заявление.

– Ты выросла здесь?

– Нет, я из Денвера. Я приехала сюда учиться в колледже. – Я вру, ведь я никогда не ходила ни в какой колледж – но это был университетский город, и когда-то я собиралась пойти учиться. Просто этого так и не случилось.

– А, да? И что ты учила?

– Я не закончила. Потому и вернулась, – снова вру я. – Хочу записаться со следующего семестра.

– Тогда эта работа для тебя идеальна; можно составить удобное расписание. Приходи в понедельник в восемь на инструктаж. У тебя есть права?

Я киваю.

– Да, я принесу. – Я не говорю, что получила права только месяц назад, после того как много месяцев их восстанавливала. – Спасибо. – Я пытаюсь сказать это как можно более искренне. Пока у меня все получается. У меня появилось жилье, и вот работа.

Теперь только осталось найти мою дочь.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но Эми говорит:

– погоди. Ты что, не хочешь узнать, сколько тебе будут платить?

– Ой. Да, конечно.

– Минимальная оплата. Я знаю, это смешно. Я тут не хозяйка, иначе я бы добавила. – Она наклоняется и опускает голос. – Знаешь, может, попробуешь найти работу на складе

у Лоу? Они платят вдвое больше даже начинающим.

– Я на той неделе подавала заявление онлайн. Они не берут таких, как я.

– О. Черт. Ладно. Тогда до понедельника.

Прежде чем уйти, я еще задаю ей вопрос, который, наверное, не должна была задавать.

– Еще одно. Вы знаете того парня, с которым я разговаривала? Леджера?

Она удивленно поднимает бровь.

– А что?

– У него есть дети?

– Племянница или что-то вроде. Он иногда приходит с ней сюда. Милая малышка, но я уверена, что он не женат и без детей.

Племянница?

А может, дочка его умершего лучшего друга?

И он приходит сюда с моей дочкой?

Я выдавливаю улыбку, несмотря на всю бурю раздирающих меня эмоций. Еще раз благодарю и быстро выскакиваю из магазина, надеясь, что каким-то чудом грузовик Леджера все еще стоит на улице и что моя дочь там вместе с ним.

Я оглядываю парковку, но они уже уехали. Мое сердце падает, но я все еще чувствую, как по моему телу разбегаются волны адреналина, маскирующегося под надежду. Потому что я знаю, раз он тренирует детей, то Диэм, скорее всего, будет в его команде. С чего бы еще он тренировал их, если

у него нет своих детей?

Я думаю, не пойти ли мне прямо на бейсбольное поле, но решаю, что все нужно делать правильно. Сперва я хочу поговорить с Патриком и Грейс.

10

Леджер

Я вытаскиваю из мешка оборудование, стоя на краю поля, когда Грэйди подходит с другой стороны сетчатого забора и вцепляется в него пальцами.

– Ну? И кто это был?

Я притворяюсь, что не понимаю, о чем он говорит.

– Кто был кто?

– Девица, которая вчера была в твоём грузовике.

Глаза у Грэйди красные. Похоже, на нем начали сказываться ночные смены.

– Посетительница. Я просто подвез ее домой.

Уитни, жена Грэйди, стоит с ним рядом. По крайней мере, возле нее не обнаруживается остальной бригады мамашек, но по ее взгляду я немедленно понимаю, что меня обсуждает все бейсбольное поле. Я могу выдержать нападение только одного семейства одновременно.

– Грэйди сказал, у тебя в машине вчера была девушка.

Я окидываю Грэйди взглядом, и он беспомощно поднимает руки, как будто его жена вытащила из него эту информацию под пытками.

– Да никто это не был, – повторяю я. – Просто подвез посетительницу до дома. – Интересно, сколько еще раз мне при-

дется сегодня это повторить.

– Кто она такая? – спрашивает Уитни.

– Ты ее не знаешь.

– Мы тут всех знаем, – говорит Грэйди.

– Она не местная, – говорю я. Может, я и соврал – а может, сказал правду. Я и сам не знаю, потому что мне ничего о ней не известно. Ну, кроме того, какая она на вкус.

– Дестин отработывал замах, – говорит Грэйди, переводя разговор на своего сына. – Вот погоди, увидишь, как у него получается.

Грэйди хочет, чтобы все отцы ему завидовали. Мне этого не понять. Детский бейсбол должен проходить весело, а люди подобного типа устраивают из него такое состязание, что губят весь интерес.

Пару недель назад Грэйди чуть не подрался с судьей. И ударил бы его, если бы Роман не вытолкал его с поля.

Я сомневаюсь, что такие страсти вокруг детской игры кому-то идут на пользу. Но Грэйди очень серьезно относится к спортивным занятиям сына.

А я... не так. Иногда я думаю, может, это потому, что Диэм мне не дочь. Будь это так, сердился бы я из-за спортивной игры, где даже счет не ведут? Не знаю, способен ли я любить своего биологического ребенка больше, чем Диэм, но мне спортивные достижения совсем не важны. Кто-то из родителей считает: раз я профессионально играл в футбол, то должен быть более честолюбивым. Да я всю жизнь имел дело с

честолюбивыми тренерами. Я и согласился тренировать эту команду только затем, чтобы никакой честолюбивый придурок не подавал Диэм плохой пример.

Дети должны разминаться, но Диэм стоит перед первой отметкой, рассовывая мячи в карманы своих бейсбольных штанов. В каждом кармане у нее уже лежит по парочке, и теперь она пытается засунуть третий. От их веса штаны уже начинают сползать.

Я подхожу и присаживаюсь перед ней на колени.

– Ди, ты не можешь забрать себе все мячи.

– Это драконьи яйца, – говорит она. – Я посажу их у себя в саду и выращу маленьких дракончиков.

Я перекидываю мячи Роману один за другим.

– Драконы растут не так. На яйцах должна сидеть мама-дракониха. Их не закапывают в саду.

Диэм нагибается за камушком, и я замечаю, что она засушила еще два мяча себе за пазуху. Я расстегиваю ее рубашку, и мячи падают к ее ногам. Я кидаю их Роману.

– А я тоже выросла в яйце? – спрашивает она.

– Нет, Ди. Ты человек. Люди не вылупляются из яиц – мы растем... – Я молчу, потому что собирался сказать: *Мы растем у нашей мамы в животе*, но я всегда стараюсь избегать разговоров про родителей с Диэм. Мне не хочется, чтобы она начала задавать вопросы, на которые у меня нет ответов.

– Где мы растем? – спрашивает она. – На деревьях?

Черт.

Я кладу ей руку на плечо и игнорирую ее вопрос, потому что понятия не имею, что рассказывали ей Грейс и Патрик о том, откуда берутся дети. Это не мое дело. Я не готов к этому разговору.

Я кричу, чтобы дети строились, и Диэм, к счастью, отвлекается на свою подружку и убегает от меня.

Я с облегчением выдыхаю, поскольку разговор закончился.

* * *

Романа я высаживаю в баре, чтобы избавить его от посещения «Макдоналдса».

Да, мы идем в «Макдоналдс», хотя Диэм так и не надела свои щитки за всю игру, потому что со мной она поступает по-своему чаще, чем наоборот.

Говорят, *выбирай свои битвы*, но что делать, если ты выбираешь *не биться*?

– Я больше не хочу играть в бейсбол, – вдруг ни с того ни с сего заявляет Диэм. Принимая это решение, она макает картошку в мед и, конечно, перемазывается сладким.

Я пытался заставить ее есть картошку с кетчупом, потому что его гораздо легче вытирать, но Диэм не была бы собой, если бы не делала все самым неудобным образом.

– Тебе больше не нравится бейсбол?

Она отрицательно качает головой и облизывает пальцы.

– Ладно. Но нам осталось всего несколько игр, и у тебя есть обязательство.

– Что такое обязательство?

– Это когда ты соглашаешься что-то делать. Ты согласи-
лась стать частью команды. Если ты бросишь посередине се-
зона, твоим друзьям будет тяжело. Как ты думаешь, сможешь
доиграть этот сезон?

– Если мы будем ходить в «Макдоналдс» после каждой
игры.

Я прищуриваюсь.

– Почему мне кажется, что меня тут обводят вокруг паль-
ца?

– Что значит *обводить вокруг пальца*? – спрашивает она.

– Это значит, что ты пытаешься заставить меня водить те-
бя в «Макдоналдс».

Диэм усмехается и доедает последний ломтик картошки.
Я собираю мусор на поднос. Беру ее за руку, чтобы выйти
на улицу, и вспоминаю про мед. Ее ладошки липкие, как ло-
вушки для мух. Именно для таких случаев у меня в машине
лежат влажные салфетки.

Спустя пару минут она сидит пристегнутой в своем крес-
ле, а я оттираю ее руки влажной салфеткой, и тут она спра-
шивает:

– А когда у моей мамы будет машина побольше?

– У нее и так минивэн. Куда ей еще больше-то?

– Не Нана, – сказала Диэм. – Моя мама. Скайлар говорит,

моя мама никогда не приходит на игру, а я сказала, что она придет, когда у нее будет машина побольше.

Я перестаю вытирать ей руки. Она никогда не говорит о матери. А сегодня мы затрагиваем эту тему уже второй раз.

Наверное, она доросла до такого возраста, но я не знаю, что Грейс и Патрик говорили ей про Кенну, и понятия не имею, почему она спрашивает про машину своей матери.

– А кто тебе сказал, что твоей маме нужна машина побольше?

– Нана. Она говорит, у мамы совсем небольшая машина, и поэтому я живу с ней и с НоНо.

Это странно. Я качаю головой и выбрасываю салфетки в мусор.

– Не знаю. Спроси у Наны. – Я закрываю дверь и, обходя машину, отправляю Грейс сообщение: «Почему Диэм считает, что не видит свою мать из-за того, что той нужна машина побольше?»

Мы отъезжаем от «Макдоналдса» на пару километров, когда звонит Грейс. Я удостоверяюсь, что телефон не на громкой связи.

– Привет. Мы с Диэм уже едем домой. – Таким образом я даю Грейс понять, что не могу толком говорить.

Грейс втягивает воздух, словно готовясь к долгому разговору.

– Ладно. На прошлой неделе Диэм спросила, почему она не живет с мамой. Я не знала, что сказать, и сказала, что она

живет со мной, потому что мы все не помещаемся в машину ее мамы. Это первая ложь, что пришла мне в голову. Леджер, я запаниковала.

– Надо думать.

– Мы собирались ей рассказать, но как можно сказать ребенку, что его мать в тюрьме? Она же даже не знает, что такое тюрьма.

– Да я не осуждаю, – говорю я. – Я просто хотел убедиться, что мы на одной волне. Но нам, наверное, нужно придумать какую-то более надежную версию правды.

– Знаю. Но она еще такая маленькая.

– Она начинает интересоваться.

– Знаю. Просто... Если она опять спросит, скажи, что я все объясню.

– Я так и сказал. Готовься к вопросам.

– Отлично, – вздыхает она. – Как прошла игра?

– Хорошо. Она была в красных сапогах. И мы поехали в «Макдоналдс».

– Ты продул, – смеется Грейс.

– Ага. Тоже мне новости. До встречи. – Я завершаю звонок и оглядываюсь на заднее сиденье. Диэм выглядит сосредоточенной.

– О чем задумалась, Ди?

– Я хочу быть в кино, – говорит она.

– Да что ты? Ты хочешь стать актрисой?

– Нет, я хочу быть в кино.

– Ну да. Это называется быть актрисой.

– Ну тогда да, я хочу быть этим. Актрисой. Я хочу быть в мультиках.

Я не стал говорить ей, что мультфильмы – это просто картинки и голоса.

– Я думаю, из тебя получится классная актриса мультфильмов.

– Да. Я буду лошастью, драконом или русалкой.

– Или единорогом, – предлагаю я.

Она улыбается и отворачивается к окну.

Мне нравится ее воображение, но она точно унаследовала его не от Скотти. Он мыслил прямо и конкретно.

11

Кенна

Я никогда не видела фотографии Диэм. Не знаю, похожа ли она на меня или на Скотти. Голубые у нее глаза или карие? Такая же открытая улыбка, как у ее отца? Смеется ли она так, как я?

Счастлива ли она?

Это единственное, чего я хочу для нее. Я так надеюсь, что она счастлива.

Я полностью доверяю Грейс и Патрику. Я знаю, что они любили Скотти и, очевидно, любят Диэм. Они полюбили ее еще до того, как она родилась.

Они начали борьбу за опеку над ней в тот же день, как им сообщили, что я беременна. У младенца еще не развились полноценные легкие, а они уже боролись за его первый вздох.

Я проиграла борьбу за опеку еще до рождения Диэм. У матери не так много прав, если она приговорена к нескольким годам тюрьмы.

Судья решил, что из-за всей ситуации и из-за горя, которое я причинила семье Скотти, он не может с чистой совестью удовлетворить мою просьбу о праве на посещения. И он не станет заставлять родителей Скотти поддерживать связь

между мной и моей дочерью, пока я нахожусь в тюрьме.

Мне сказали, что я могу подать прошение в суд о восстановлении родительских прав после освобождения, но, поскольку меня лишили этих прав, вероятно, тут нельзя ничего поделать. Между рождением Диэм и моим освобождением прошло почти пять лет, так что никто не может, да и не будет мне помогать.

У меня осталась только иллюзорная надежда, которую я, как ребенок, пыталась удержать в руках.

Я молилась о том, что родителям Скотти просто нужно время. Я наивно предполагала, что они рано или поздно поймут, что я нужна Диэм.

Пока я жила в изоляции от мира, я не могла ничего поделать, но теперь, когда я вышла, я долго и всерьез думала о том, как должна поступить. Я понятия не имела, чего мне ожидать. Я даже не знала, что они за люди. Я видела их только однажды, когда мы встречались со Скотти, и эта встреча прошла не слишком удачно. Я пыталась найти родителей Скотти в Сети, но их данные были скрыты. Я не смогла обнаружить ни единой фотографии Диэм. Я даже просмотрела профили всех друзей Скотти, чьи имена смогла вспомнить, но многих забыла, да и все равно их странички тоже оказались скрытыми.

Я очень мало знала про жизнь Скотти до нашей встречи и не прожила с ним настолько долго, чтобы как следует узнать его семью и друзей. Шесть месяцев из двадцати двух лет его

жизни.

Почему все данные его близких закрыты? Из-за меня? Они боятся, что случится именно это? Что я появлюсь? Что осмелюсь надеяться стать частью жизни своей дочери?

Я знаю, что они ненавидят меня, и у них есть полное на это право, но частичка меня все равно живет с ними последние четыре года в Диэм. Я надеялась на то, что через мою дочь они найдут в себе хотя бы толику прощения.

Время лечит все раны, верно?

Вот только я нанесла им не просто рану. Я нанесла им увечье. Такое тяжелое, что с большой вероятностью его никогда нельзя простить. Но очень трудно не цепляться за надежду, когда все, что я могу, — это жить в ожидании этого момента.

И он либо поможет мне выжить, либо уничтожит окончательно. Другого не дано.

Еще четыре минуты, и я узнаю.

В этот момент я нервничаю больше, чем тогда, в суде, пять лет назад. Я стискиваю в руке резиновую морскую звезду. Это единственная игрушка, которая продавалась на заправке возле моего дома. Я могла бы попросить таксиста заехать в большой универмаг, но оба находились в городе, в другой стороне от места, где, как я надеялась, до сих пор живет Диэм, а я не могла позволить себе длинных поездок на такси.

После того как меня наняли на работу в магазине, я пошла домой и поспала. Я не хотела приходить к Грейс и Патрику, пока Диэм там не было, а если Эми права и у Ледже-

ра нет своих детей, то разумно предположить, что девочка, которую он тренирует в бейсбол, – моя дочь. И судя по тому, сколько «Гаторейда» он покупал, он готовился к долгому дню, и я, используя дедуктивный метод, рассудила, что Диэм еще несколько часов не вернется домой.

Я ждала, сколько могла. Я знала, что бар открывается в пять, следовательно, Леджер, скорее всего, отвезет Диэм домой до этого времени. Я не хотела, чтобы он был рядом, когда я заявлюсь, и рассчитала все так, чтобы такси привезло меня к дому в пять пятнадцать.

Я не хотела приезжать позже, потому что не хотела появиться во время ужина или когда она ляжет спать. Я стремилась сделать все правильно. Я пыталась не сделать ничего, что могло бы заставить Грейс и Патрика бояться меня больше, чем они, наверное, и так боялись.

Я не хотела, чтобы они велели мне уйти до того, как я хотя бы попытаюсь себя оправдать.

В идеальном мире они открыли бы мне дверь и позволили бы мне встретиться с моей дочерью, которую я даже никогда не держала на руках.

В идеальном мире... Их сын все еще был бы жив.

Я раздумываю, что же я увижу в их глазах, когда появлюсь у них на пороге. Шок? Ненависть?

Насколько сильно Грейс может ненавидеть меня?

Иногда я пытаюсь поставить себя на ее место.

Я пытаюсь вообразить себе степень ее ненависти ко мне

– посмотреть на ситуацию ее глазами. Иногда, лежа в постели, я зажмуриваюсь и пытаюсь найти объяснения всем причинам, по которым эта женщина не подпускает меня к моей дочери, чтобы не возненавидеть ее в ответ.

Я думаю: *Кенна, представь, что ты – Грейс.*

Вот прекрасный молодой человек, которого ты любишь больше жизни, больше, чем все на свете. Он красивый, он состоявшийся. Но, что еще важнее, он добрый. Все говорят тебе об этом. Другие родители мечтают, чтобы их дети походили на него. Ты улыбаешься, потому что гордишься им.

Ты гордишься им, даже когда он приводит домой новую подружку, которая слишком громко стонет посреди ночи. Подружку, которая разглядывает комнату, пока все молятся перед обедом. Подружку, которую ты ловишь в одиннадцать вечера во дворе с сигаретой в руках, но ничего не говоришь ей; ты просто надеешься, что она скоро надоест твоему прекрасному сыну.

Представь, что тебе звонит сосед твоего сына по квартире, спрашивая, не знаете ли вы, где он. Он должен был рано утром прийти на работу, но по какой-то причине не явился.

Представь, как ты волнуешься, потому что твой сын всегда приходит вовремя.

Представь, что он не отвечает на мобильный, когда ты звонишь, чтобы узнать, почему он не вышел на работу.

Представь, как идет время и ты начинаешь паниковать. Обычно ты чувствуешь его, но сегодня это не удастся. Ты

полна страха, а места для гордости не остается.

Представь, что ты начинаешь звонить. Ты звонишь в университет, звонишь ему на работу, ты бы позвонила даже его подружке, которая тебе не сильно по душе, если бы знала ее телефон.

Представь, что ты слышишь, как захлопывается дверь машины, и с облегчением выдыхаешь только затем, чтобы упасть на пол, увидев полицейского возле своей двери.

Представь, как ты слышишь слова вроде: «Мне очень жаль», «несчастный случай», «авария» и «не выжил».

Представь, что ты не умираешь в эту минуту.

Представь, что тебе приходится жить, и пережить этот ужасный вечер, и проснуться на следующий день, когда тебя попросят опознать тело сына.

Его безжизненное тело.

Тело, которое ты создала, в которое вдохнула жизнь, которое выросло у тебя внутри, научилось ходить, говорить, бегать и любить других.

Представь, что касаешься его холодного, ледяного лица, твои слезы падают на полиэтиленовый мешок, в который его засунули, молчаливый крик застывает в горле, а потом возвращается к тебе в ночных кошмарах.

А ты все живешь. Как-то.

Как-то живешь без той жизни, которую ты создала. Скорбишь. У тебя не хватает сил даже организовать его похороны. Ты не можешь понять, как же твой сын, добрый, идеаль-

ный сын мог оказаться таким безрассудным.

Ты в таком отчаянии, но твое сердце продолжает биться, снова и снова напоминая тебе обо всех ударах сердца, которых уже не ощутит твой сын.

Представь, что все еще хуже.

Только представь.

Представь, как ты думаешь, что ты уже на самом дне, и тут ты видишь новый утес, с которого тебе предстоит упасть, когда тебе говорят, что твой сын даже не сам вел машину, слишком быстро ехавшую по гравию.

Представь, что тебе говорят, что в аварии виновата она. Девчонка, которая курила, не закрывала глаз во время молитвы и слишком громко стонала у тебя в доме.

Представь, что тебе говорят, что это она так неосторожно и зло обошлась с жизнью, которую ты создала.

Представь, что тебе говорят – она бросила его там.

Говорят: «убежала с места аварии».

Представь, тебе говорят, что нашли ее на следующий же день в постели, с похмелья, перепачканную землей, грязью и кровью твоего доброго сына.

Представь, тебе говорят, что у твоего идеального сына был идеальный пульс, и он мог бы прожить идеальную жизнь, если бы только попал в аварию с другой, идеальной, девушкой.

Представь, как ты понимаешь, что этого всего могло не случиться.

Он же даже не умер. По их оценке, он прожил еще шесть

часов. Он прополз несколько метров в поисках тебя. Нуждаясь в твоей помощи. Истекая кровью.

Умирая.

Часами.

Представь, как ты узнаешь, что та девица, которая слишком громко стонала и курила в одиннадцать вечера у тебя во дворе, могла спасти его.

Один телефонный звонок, которого она не сделала.

Три цифры, которые она так и не набрала.

Она отсидела за его жизнь пять лет, а ты растила его целых восемнадцать и еще четыре любовалась, как он живет сам по себе, и, может, могла бы делать это еще лет пятьдесят, если бы она не оборвала его жизнь.

Представь, что после всего этого тебе надо жить дальше.

А теперь представь, что эта девица... Та, про которую ты надеялась, что она надоест твоему сыну... Представь, что после всего, что она тебе причинила, она решает снова появиться в твоей жизни.

Представь, что ей хватает наглости постучаться в твою дверь.

Улыбнуться тебе в лицо.

И спросить о своей дочери.

Ожидая, что ей позволят стать частью крошечной прекрасной жизни, которая чудом осталась после твоего сына.

Просто представь все это. Представь, что тебе пришлось бы взглянуть в глаза девице, бросившей твоего умирающего

сына ползти по дороге, пока она спала в своей постели.

Представь, что бы ты сказала ей после всего этого.

Представь, как бы ты хотела причинить ей ответную боль.

Очень легко понять, почему Грейс меня ненавидит.

И чем ближе я к их дому, тем больше я начинаю тоже ненавидеть себя.

Я даже не понимаю, почему я иду к ним, не подготовившись как-то получше. Мне будет очень непросто, и, хотя я готовила себя к этому моменту каждый день в течение пяти лет, я никогда не репетировала его по-настоящему.

Такси поворачивает на бывшую улицу Скотти. Мне кажется, что меня вжимает в заднее сиденье тяжестью, которой я никогда не ощущала прежде.

Когда я вижу их дом, мой страх становится слышен. Откуда-то из глубины моей глотки вырывается звук, который изумляет меня саму, и мне требуется вся сила воли, чтобы удержать слезы.

В этом доме прямо сейчас может быть Диэм.

Я сейчас пройду по двору, где она играет.

Я постучу в дверь, которую она открывала.

– Ровно двенадцать долларов, – говорит водитель.

Я вытаскиваю из кармана пятнадцать и говорю, что сдачи не надо. Мне кажется, будто я выплываю из этой машины, не чувствуя себя. Это такое странное ощущение, что я даже оборачиваюсь, чтобы убедиться, что не осталась на заднем сиденье.

Я думаю, не попросить ли водителя подождать, но это означало бы заранее признать поражение. Потом я придумаю, как попасть домой. Сейчас же я продолжаю цепляться за недостижимую мечту, что до того, как меня попросят уйти, пройдет несколько часов.

Как только я захлопываю дверцу, такси тут же уезжает, и я остаюсь стоять на другой стороне улицы, напротив их дома. На закатном небе все еще ярко светит солнце.

Я жалею, что не дождалась темноты. Я ощущаю себя открытой мишенью. Беззащитной перед тем, что может случиться со мной.

Мне хочется спрятаться.

Мне нужно еще время.

Я даже не репетировала, что я им скажу. Я постоянно думала об этом, но ничего не произносила вслух.

Дышать становится все труднее. Я кладу руки на затылок и делаю вдох и выдох, вдох и выдох.

Занавески в гостиной задернуты, так что меня, наверное, еще никто не увидел. Я присаживаюсь на бордюр и пытаюсь собраться перед тем, как пойти к дому. Такое чувство, что мысли рассыпаются передо мной, и мне нужно собрать их по одной и расположить в правильном порядке.

Извиниться.

Выразить свою благодарность.

Умолять их о милости.

Надо было бы лучше одеться. Я в джинсах и той же самой

футболке, что и вчера. Это самая чистая моя одежда, но теперь, глядя на себя, мне хочется заплакать. Я не хочу впервые встретиться со своей дочерью в футболке цвета «Маунтин Дью». Как Патрик и Грейс могут отнестись ко мне серьезно, если я даже одеться прилично не могу?

Я не должна была мчаться сюда. Я должна была все обдумать заранее. Я начинаю паниковать.

Вот если бы у меня был друг.

– Николь?

Я поворачиваюсь на этот голос. И вытягиваю шею, пока не встречаюсь с Леджером взглядом. В обычных обстоятельствах я была бы удивлена, увидев его здесь, но я и так в потрясенном состоянии, и поэтому мой мыслительный процесс идет в направлении типа:

Ну конечно. Разумеется.

В том, как он смотрит на меня, чувствуется какая-то напряженность, и от этого по рукам бегут мурашки.

– Что ты тут делаешь? – спрашивает он.

Черт. Черт. Черт.

– Ничего. – Черт. Мои глаза непроизвольно стреляют на ту сторону улицы. Потом я смотрю Леджеру за спину, на дом, вероятно принадлежащий ему. Я вдруг вспоминаю, Скотти говорил, что Леджер жил напротив него. *Какова вероятность, что он все еще живет здесь?*

Я понятия не имею, что же делать. Я поднимаюсь. Кажется, на моих ногах висят гири. Я смотрю на Леджера, но он

больше не смотрит на меня. Он смотрит через улицу, на бывший дом Скотти.

Он проводит рукой по подбородку, и на его лице появляется озабоченное выражение. Он спрашивает:

– Почему ты смотришь на этот дом? – Сам он глядит вниз, на землю, потом через улицу, а потом на солнце, а потом, когда я так и не отвечаю, снова переводит взгляд на меня – и это уже совершенно другой человек, не тот, которого я видела сегодня утром в магазине.

Он больше не тот парень, который плавно передвигался по бару, словно был на роликах.

– Тебя зовут не Николь, – говорит он с каким-то печальным осознанием.

Я моргаю.

Он все сложил.

А теперь, кажется, хочет разорвать все на кусочки.

Он указывает на свой дом.

– Пошли.

Это звучит резко и требовательно. Я шагаю на дорогу, в сторону от него. Я чувствую, что меня начинает трясти, и тут он тоже делает шаг на дорогу, сокращая расстояние между нами. Он снова смотрит на дом напротив и обхватывает меня рукой, твердо прижав ее к моей спине. Он начинает подталкивать меня, одновременно кивая на другую сторону улицы, где живет моя дочь.

– Пошли, пока они тебя не увидели.

Я ожидала, что рано или поздно он сложит два и два. Лучше бы он все понял еще прошлой ночью.

А не теперь, когда я всего в тридцати метрах от нее.

Я гляжу на его дом, потом на дом Грейс и Патрика. У меня нет возможности избавиться от Леджера. Последнее, чего я хочу, – это устроить тут сцену. Моей задачей было появиться тихо и мирно, чтобы все прошло по возможности гладко. А Леджер, судя по всему, хочет обратного.

– Пожалуйста, оставь меня в покое, – говорю я сквозь сжатые зубы. – Это не твое дело.

– Да ни хрена, – шипит он.

– Леджер, *пожалуйста*. – Мой голос дрожит от страха и слез. Я боюсь его, боюсь всего происходящего, боюсь, что все это окажется гораздо труднее, чем я опасалась. Почему он утаскивает меня от их жилья?

Я оборачиваюсь на дом Грейс и Патрика, но ноги несут меня в сторону дома Леджера. Я бы поборолась с ним, но сейчас я не уверена, что готова встретиться с Ландри. Раньше, когда я только садилась в такси, я думала, что готова, но сейчас, здесь, рядом с разозленным Леджером, я *совершенно* к этому не готова. За последние несколько минут стало ясно, что они могли ожидать моего появления и совершенно мне не рады.

Наверное, их известили сразу же, как только меня перевели на временное содержание. И они ждали, что я могу появиться.

В ногах у меня больше нет тяжести. Мне кажется, я снова парю высоко в воздухе, как воздушный шар, и следую за Леджером, как будто он тянет меня за ниточку.

Мне стыдно, что я пришла сюда. Настолько стыдно, что я иду за Леджером, словно у меня нет ни своих мыслей, ни голоса. В эту минуту я точно не ощущаю даже малейшей уверенности в себе. И моя футболка слишком дурацкая для такого значимого момента. *Я сама* слишком уж дура, если думала, что все нужно сделать именно так.

Как только мы входим в гостиную, Леджер закрывает за нами дверь. Кажется, ему противно. Уж не знаю, при виде меня или при мысли о прошлой ночи. Он расхаживает по гостиной, прижав руку ко лбу.

– Так ты поэтому явилась в мой бар? Пыталась обмануть меня, чтобы я вывел тебя на нее?

– Нет, – жалким голосом говорю я.

Он раздраженно проводит рукой по лицу. Замирает ненадолго и бормочет: «Черт побери».

Он так зол на меня. *Ну почему я всегда принимаю самое худшее решение?*

– Ты пробыла в городе всего один день. – Он швыряет на стол ключи. – Ты что, правда считаешь, что это хорошая идея? Так сразу явиться сюда?

Так сразу? Ей уже четыре года.

Я прижимаю руку к своему переворачивающемуся желудку. Я не знаю, что делать. Что мне делать? Что я могу сде-

лать? Должно же что-то найтись. Какой-нибудь компромисс. Они же не могут вот так, все вместе, решить, что лучше для Диэм, даже не спросив меня?

Или могут?

Конечно, могут.

В этом сценарии неразумно веду себя я. Но слишком сильно боюсь в этом признаться. Мне хочется спросить Леджера, могу ли я сделать хоть что-нибудь, чтобы они просто выслушали меня, но от того, как он на меня смотрит, я чувствую себя полностью неправой во всем. И начинаю уже думать, имею ли я право вообще задавать какие-нибудь вопросы.

Его взгляд падает на резиновую морскую звезду, которую я продолжаю стискивать. Он подходит ко мне и протягивает руку. Я кладу звезду ему на ладонь. Не знаю, зачем я ее отдала. Может, если он увидит, что я принесла игрушку, то поверит, что я пришла с добрыми намерениями.

– Серьезно? *Кольцо для зубов?* – Он швыряет ее на диван, как будто это самое глупое, что он видел в жизни. – Ей *уже четыре*. – Он проходит в кухню. – Я отвезу тебя домой. Жди здесь, пока я выведу машину из гаража. Не хочу, чтобы они тебя увидели.

Мне больше не кажется, что я парю в воздухе. Я стала тяжелой и окоченевшей, как будто мои ноги увязли в бетонном фундаменте этого дома.

Я смотрю в окно на дом Грейс и Патрика.

Я так близко. Нас разделяет только улица. Пустая улица,

безо всяких машин.

Мне становится ясно, что произойдет дальше. Грейс и Патрик настолько не хотят иметь со мной никакого дела, что Леджер решил перехватить меня на полпути. Это значит, никаких переговоров не случится. И того прощения, которое, как я надеялась, могло отыскать свой путь в их сердца, тоже нет и не будет.

Они все так же меня ненавидят.

И, что очевидно, все остальные вокруг них – тоже.

Единственный способ увидеть мою дочь – это каким-то чудом добиться этого права через суд, а на это нужны деньги, которых у меня пока нет, и годы, о которых я даже думать не могу. Я уже так много упустила.

Сейчас – мой единственный шанс вообще увидеть Диэм. Сейчас – моя единственная возможность умолять о прощении родителей Скотти. Сейчас или никогда.

Сейчас или никогда.

У меня будет секунд десять, прежде чем Леджер заметит, что я не пошла за ним в гараж. И я могу успеть прежде, чем он догонит меня.

Я выскальзываю наружу и со всех ног мчусь через дорогу.

Я уже в их дворе.

Ноги несут меня по траве, на которой играет Диэм.

Я стучу в их входную дверь.

Я звоню в их звонок.

Я пытаюсь заглянуть в окно, чтобы хоть на мгновение уви-

деть ее.

– Ну пожалуйста, – шепчу я, стуча еще сильнее. Мой шепот перерастает в панику, когда я слышу приближающиеся сзади шаги Леджера. – Простите меня! – кричу я, барабанив в дверь. Мой голос полон мольбы. – Простите, простите, только дайте мне взглянуть на нее.

Меня оттаскивают и несут обратно в дом через дорогу. Даже пытаюсь его побороть, пытаюсь вырваться из его рук, я смотрю на эту дверь, которая все удаляется и удаляется... Я надеюсь хоть на полсекунды увидеть мою маленькую девочку.

Но я так и не вижу в их доме никакого движения, а потом оказываюсь в помещении. Меня снова внесли в дом Леджера и бросили на диван.

Держа в руках телефон, он ходит по гостиной и набирает номер. Всего три цифры. *Он звонит в полицию.* Я пугаюсь.

– Нет, – молю я. – Нет, нет, нет. – Я бросаюсь через всю гостиную, пытаюсь схватить телефон, но он просто кладет руку мне на плечо и усаживает меня обратно.

Я сажусь и обхватываю руками колени, поднося пальцы к дрожащим губам.

– Пожалуйста, не надо звонить в полицию. *Пожалуйста.* – Я сижу очень тихо, стараясь не выглядеть так, словно я представляю угрозу, надеясь, что он посмотрит мне в глаза и сможет разглядеть там всю мою боль.

Он встречается со мной взглядом, когда слезы уже начи-

нают стекать у меня по щекам. Он выжидает, прежде чем нажать на кнопку вызова. Он смотрит на меня... изучающе. Вглядывается в меня в поисках обещания.

– Я больше не приду. – Если он позвонит в полицию, для меня это будет совсем плохо. Мне совсем не нужен еще один привод в полицию. Хотя я и не нарушила никаких законов, того, что я заявила без приглашения, будет достаточно, чтобы ухудшить мое положение.

Он делает шаг в мою сторону.

– Ты *не смеешь* больше появляться тут. Поклянись, что мы никогда больше не увидим тебя, иначе я звоню в полицию.

Я не могу. Не могу обещать ему это. Что у меня осталось в жизни, кроме дочери? Она все, что у меня есть.

Причина, по которой я еще живу.

Я не верю, что все это происходит.

– *Пожалуйста*, – плачу я, даже не зная, чего именно прошу. Мне просто хочется, чтобы кто-нибудь послушал меня. Чтобы выслушал. *Понял бы, как сильно я страдаю.* Мне хочется, чтобы он снова стал таким, каким я встретила его вчера в баре. Чтобы прижал меня к своей груди, и мне бы показалось, что у меня есть союзник. Чтобы он сказал мне, что все будет хорошо, хотя я всей душой знаю, что все никогда, никогда уже не будет в порядке.

Несколько минут проходят в смятении поражения. Меня захлестывают эмоции.

Я сажусь в машину Леджера, и он увозит меня из кварта-

ла, где моя дочь выросла и прожила всю свою жизнь. Наконец, после всех этих лет, я оказалась с ней в одном городе, но я никогда не чувствовала себя дальше от нее, чем в эту минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.